

Борис Вадимович Соколов
Три любви Михаила Булгакова
Серия «Роковые женщины»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7053481
Три любви Михаила Булгакова / Борис Соколов.: Яуза, Эксмо; Москва; 2014
ISBN 978-5-699-71731-6

Аннотация

«Жен менять надо, батенька. Чтобы быть писателем, надо три раза жениться», – говорил начинающему Булгакову уже маститый Алексей Толстой. И эти слова оказались пророческими – в жизни Мастера были три романа, три любви, три жены.

Что за женщины покорили его сердце, сыграв главные роли в его творчестве и судьбе? Кому из них Булгаков обязан спасением от наркомании и правду ли говорят, что исцелиться от роковой страсти все равно что «соскочить с иглы»? Как он признавался в любви и отчего разлюбил? Почему так и не завел детей, по чьей вине распались два его брака и за что он после развода каялся перед первой женой: «Из-за тебя Бог меня покарает»? Как Мастер нашел свою Маргариту, заставившую его преодолеть антисемитские предрассудки и жениться на дочери крещеного еврея? Обрел ли он покой, который ценил больше света? И разве не счастливеец тот мужчина, что может, как Булгаков, прошептать любимой перед смертью: «Ты была самой лучшей женщиной в мире! Божество мое, мое счастье, моя радость. Королевушка моя, моя царица, звезда моя, сиявшая мне всегда в моей земной жизни! Я люблю тебя, я обожаю тебя! Любовь моя, жена моя, жизнь моя!»

Содержание

Предисловие	4
Первая любовь	7
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Борис Вадимович Соколов Три любви Михаила Булгакова

Предисловие

Три жены великого русского писателя Михаила Афанасьевича Булгакова олицетворяют собой три этапа жизни и творчества писателя. «Жен менять надо, батенька. Чтобы быть писателем, надо три раза жениться», – еще в 1923 году говорил уже маститый к тому времени Алексей Толстой еще только начинающему свой путь в литературе Булгакову. И Михаил Афанасьевич вольно или невольно, но последовал совету мастера.

С Тасей, Татьяной Николаевной Лаппа, навсегда связана киевская беспечальная юность, будни земского врача в смоленском захолустье, опасные путешествия в огне Граж-

данской войны, первые голодные московские годы и внезапный разрыв в тот момент, когда только-только выбились из нужды.

С Любовью Евгеньевной Белозерской, Любаней, Бангой, Михаил Афанасьевич разделил короткие годы успеха и последовавшие за ними годы гонений и вынужденного молчания, когда Булгакову пришлось обратиться к Сталину со знаменитым письмом, в котором просил либо выпустить его вместе с Любовью Евгеньевной за границу, либо откомандировать на работу режиссером-ассистентом в Художественный театр. И опять разрыв последовал в пору относительного благополучия, когда появился верный кусок хлеба в театре и были восстановлены после перерыва в два с половиной года «Дни Турбиных». Создается впечатление, что Булгаков в трудные времена не видел недостатков в близком человеке, но начал смотреть на жену другими глазами, когда положение приближалось к норме. Он искал единственную, неземную, неповторимую любовь. И нашел.

Елена Сергеевна Нюрнберг (в первом браке Неелова, во втором браке – Шиловская), Люся, – последняя и главная любовь Булгакова, основной прототип Маргариты в великом «закатном» романе. Если две первые булгаковские жены были столбовыми дворянками, то отец Елены Сергеевны – всего лишь податной инспектор, крещеный еврей из Риги, правда дослужившийся до довольно высокого чина коллежского советника (соответствовал армейскому полковнику). Мать же была дочерью православного священника. В данном случае любовь победила антисемитские предрассудки Булгакова, еще в 1924 году писавшего в дневнике по поводу французского премьера Эдуарда Эррио, который «этих большевиков допустил в Париж»: «У меня нет никаких сомнений, что он еврей. Люба (Белозерская) мне это подтвердила, сказав, что она разговаривала с людьми, лично знающими Эррио. Тогда все понятно». Эррио, кстати сказать, евреем никогда не был.

По иронии судьбы вместе с Еленой Сергеевной в дом вошел стукач – муж ее сестры Ольги Бокшанской Евгений Васильевич Калужский, один из ведущих актеров МХАТа. О нем мы поговорим далее. Сейчас же скажем только, что Елена Сергеевна и Михаил Афанасьевич догадывались, что рядом с ними «наседка», грешили на многих знакомых – артиста МХАТа Григория Конского, драматурга Сергея Ермолинского, но то, что в этой малопочтенной роли выступает их свояк Калужский, так и не догадались.

Елена Сергеевна помогла Булгакову в те годы, когда он писал вопреки ясно выраженному приказу «не писать!», без всякой надежды на публикацию. За несколько дней до смерти Булгаков говорил ей: «Ты была моей женой, самой лучшей, незаменимой, очаровательной... Когда я слышал стук твоих каблучков... (помните, в романе у Мастера сердце непрерывно билось, «пока без стука, почти совсем бесшумно, не равнялись с окном туфли с черными замшевыми накладками-бантами, стянутыми стальными пряжками»). Ты была самой лучшей женщиной в мире... Божество мое, мое счастье, моя радость. Я люблю тебя! И если мне суждено будет еще жить, я буду любить тебя всю мою жизнь. Королевушка моя, моя царица, звезда моя, сиявшая мне всегда в моей земной жизни! Ты любила мои вещи, я писал их для тебя... Я люблю тебя, я обожаю тебя! Любовь моя, жена моя, жизнь моя!» И для всех почитателей таланта Булгакова его последняя жена навсегда осталась «светлой королевой Марго» из «Мастера и Маргариты».

Каждая из трех булгаковских жен вдохновляла его на творчество в разные периоды его жизни. В то же время на них всегда падал отблеск творческих замыслов писателя. Булгаков заражал своих жен своим особым взглядом на мир, отношением к окружающим, восприятием мировой культуры. Тайны, когда и почему Михаил Афанасьевич любил, а потом разлюбил своих жен, мы, конечно, не раскроем – на эту тему можно написать не один десяток романов. Но можно постараться установить фактическую сторону дела: как именно развивались отношения Булгакова с Татьяной Николаевной, Любовью Евгеньевной и Еленой Сергеевной, а также опровергнуть широко распространенные мифы на сей счет.

Любили ли Булгакова его жены? На сей счет сомнений, пожалуй, нет. А вот насчет того, что Михаил Афанасьевич в равной мере любил всех трех своих жен, существуют определенные сомнения. На прочность всех его браков негативно влияло то, что он не собирался иметь детей. В браке с каждой из них присутствовал определенный элемент житейского расчета, который, возможно, в дальнейшем мог ограничиваться любовью, не всегда порождая большое чувство. Во всяком случае, такую гипотезу вполне можно высказать. Так это или не так, мы убедимся, рассмотрев историю всех трех булгаковских жен. Итак, как говаривал Михаил Афанасьевич, вперед, читатель!

Первая любовь Татьяна Николаевна Лаппа

Татьяна Николаевна (в первом браке Булгакова, в третьем Кисельгоф), (1892–1982), первая жена Булгакова, оставила о нем устные воспоминания, записанные рядом исследователей булгаковского творчества в последние годы ее жизни, когда Михаил Афанасьевич вновь стал модным и востребованным писателем. Ранее же она, как и Любовь Евгеньевна, оставалась в тени вдовы Булгакова Елены Сергеевны. Судьба ее после развода с Булгаковым складывалась достаточно непросто, однако никаких злых чувств к Михаилу Афанасьевичу она никогда не испытывала. Думаю, она продолжала любить его до самой своей смерти, хотя, как кажется, была вполне счастлива в последнем браке с адвокатом Давидом Кисельгофом.

Татьяна Николаевна родилась 23 ноября (5 декабря) 1892 года в Рязани в семье столбового дворянина действительного статского советника Николая Николаевича Лаппа, потомка выходцев из Литвы, занимавшего должность управляющего казенной палатой. В паспорте она проставила себе другую дату рождения, чтобы несколько «помолодеть» (это могло помочь в поисках работы), – 6 декабря 1896 года (она не учла также, что в XIX веке, в отличие от XX, разница между старым и новым стилем составляла не 13, а всего лишь 12 дней). Но к концу жизни Татьяна Николаевна забыла, что когда-то «омолодила» себя аж на четыре года. Для нее полным сюрпризом стало, когда один из исследователей представил ей документы, позволяющие точно установить дату ее появления на свет (подлинная дата рождения Т.Н. Лаппа устанавливается по церковной записи ее брака с Булгаковым).

Стоит отметить, что среди предков первой жены Булгакова был декабрист Матвей Демьянович Лаппа, сын киевского помещика, подпоручик лейб-гвардии Измайловского полка, член Южного общества. Он отделался сравнительно легко – был приговорен 10 июля 1826 года к разжалованию в рядовые без лишения дворянства.

Быть может, от предка-декабриста досталась та любовь к свободе и независимости, что была свойственна Татьяне Николаевне всю жизнь.

За два года до рождения старшей дочери (очевидно, вместе с братом-близнецом), в 1890 году, Николай Николаевич окончил с дипломом первой степени естественное отделение физико-математического факультета Московского университета. Службу он начал в Рязани сверхштатным чиновником особых поручений при губернаторе, затем был переведен в Екатеринослав податным инспектором в казенную палату (это учреждение ведало губернскими финансами). О жизни в этом городе у Татьяны Николаевны уже сохранились кое-какие воспоминания: «Мы там в маленьком домике жили. Няня у нас была, водила нас гулять. Как 20-е число, мы отца встречали, жалованье тогда давали, и он покупал всем подарки. Потом шли гулять на бульвар или в Потемкинский сад. Катались там на качелях. Мать очень красивая была... А отец очень театром увлекался, даже играл в городском театре, Островского вещи, любовников. Ему даже предлагали там... артистом стать, а мать сказала: «Если пойдешь в театр, я уйду от тебя...» Оно конечно, хлеб актера не так верен, как хлеб чиновника, а кроме того, в театре, как известно, много симпатичных молоденьких актрис. Николай Николаевич же, как кажется, давал немало поводов для ревности.

Матерью Тани была Евгения Викторовна Пахотинская, из польской шляхты. Кроме Тани, в семье было еще пятеро детей: Евгений (1892 года рождения), Софья (1895), Константин (1900), Николай (1902) и Владимир (1904). Будучи чиновником высокого ранга, Н.Н. Лаппа был также не чужд увлечения театром, имел актерский талант. Он умер в Москве в 1918 году, уже после крушения того уютного, благополучного мира, в котором привык жить. Но в конце XIX века до этого было далеко, и ничто не предвещало, казалось, грядущих бед.

Семейство Лаппа – вполне благополучное, обеспеченное. И Таня, как видно из ее воспоминаний, ни в чем не знает отказа. Она еще ребенок, шестилетняя девочка, живет беззаботно, взрослых проблем не знает, о будущем не задумывается, гуляет с няней по роскошным екатеринославским бульварам, получает подарки от родителей. Беспечальное, как и у Михаила Булгакова, детство.

Через несколько лет после рождения Тани родители переехали из Екатеринослава в Омск, где отец стал управляющим губернской казенной палатой. А в 1904 году Н.Н. Лаппа вернулся в европейскую Россию, в Саратов, где он получил такую же должность. Здесь Николаю Николаевичу пришлось служить под началом самого П.А. Столыпина, тогдашнего саратовского губернатора. О саратовском житье у Татьяны Николаевны тоже сохранились самые светлые воспоминания: «В Саратове отец новую казенную палату выстроил, и мы в казенной квартире жить стали... Квартира хорошая была. Комната девочек, комната мальчиков, спальня, столовая, гостиная, у отца, конечно, кабинет был... Вот так жили. Отец рабо-

тал, мать детьми занималась, мы в гимназию ходили... Еще я часто в театр ходила. В соседнем доме у меня подруга жила, ее отец был содержателем театра Очкина, у них своя ложа была. И вот я все оперы пересмотрела...»

Как видим, в Саратове гимназистка Лаппа активно приобщалась к искусству, особенно к оперному. А оперу, как мы знаем, очень любил и Булгаков. Наверное, это был один из мотивов, способствовавших их сближению.

Была у семейства Лаппа и дача под Саратовом, где позднее довелось бывать и Михаилу Булгакову. Татьяна Николаевна вспоминала: «Недалеко от Саратова была деревня – Разбойщина... А в Саратове за мостом немецкая колония была, и там немец один жил, Шмидт... И вот он купил там землю около Разбойщины. Очень хороший участок с прудом, построил там дачи, сделал купальню и сдавал в аренду... И вот отец по объявлению арендовал там очень хорошую дачу. Мы каждое лето там были. Природа замечательная, особенно дорога до станции, туда километра два было». В общем – благодать.

С будущим писателем Михаилом Булгаковым Татьяна Лаппа познакомилась летом 1908 года, когда саратовская гимназистка впервые приехала в Киев на каникулы к тетке Софье Николаевне Давидович. Татьяна Николаевна вспоминала: «В 1908 году пришло от тети Сони письмо, что на это лето она к нему не сможет приехать. У них своих детей не было, а меня она очень любила. Она просила: «Отпустите ко мне Тасю». Ну, отец спрашивает: «Хочешь ехать?» – «Поеду». И он меня отправил... Приехали на Большую Житомирскую, и вот там меня тетя Соня с Булгаковым и познакомила». Софья Николаевна дружила с матерью Булгакова Варварой Михайловной. Они вместе служили во Фребелевском институте – киевском женском образовательном учреждении.

Киев, мать городов русских, произвел на пятнадцатилетнюю гимназистку неотразимое впечатление. Позднее она признавалась: «И хотя я была как-то подготовлена и литературой, и рассказами родных об этом древнем городе, но все увиденное мною превзошло мои ожидания. Уже подъезжая к железнодорожному мосту через Днепр, невозможно было оторвать взгляда от совершенно удивительной картины: на высоких, тонущих в густой зелени холмах сверкали в ярких лучах солнца золотые купола многочисленных церквей. Широкие, светлые улицы, тенистые сады и парки, строгие казенные здания, театры, древние храмы – покорили мое сердце. С тех пор я полюбила Киев, особенно в летнее время: Владимирскую горку, Купеческий сад с открытой эстрадой, где по вечерам звучала музыка Чайковского, Россини, Глинки...»

Наверное, во многом любовь к Киеву у Татьяны Николаевны была обусловлена тем, что в этом городе она встретила свою первую любовь.

Булгаков тоже с радостью вспоминал это время в фельетоне «Киев-город»: «Весной зацветали белым цветом сады, одевался в зелень Царский сад, солнце ломилось во все окна, зажигало в них пожары. А Днепр! А закаты! А Выдубецкий монастырь на склонах! Зеленое море уступами сбегало к разноцветному ласковому Днепру. Черно-синие ночи над водой, электрический крест Св. Владимира, висящий в высоте...»

Но тут же добавлял с легкой грустью: «...Город прекрасный, город счастливый. Мать городов русских. Но это были времена легендарные, те времена, когда в садах самого прекрасного города нашей Родины жило беспечальное, юное поколение. Тогда-то в сердцах у этого поколения рождалась уверенность, что вся жизнь пройдет в белом цвете, тихо, спокойно, зори, закаты, Днепр, Крещатик, солнечные улицы летом, а зимой не холодный, не жесткий, крупный ласковый снег... И вышло совершенно наоборот».

Что легендарные времена скоро кончатся, они с Тасей не подозревали. Все дышало романтикой, стариной, располагало к возвышенным чувствам.

Писатель Константин Георгиевич Паустовский, учившийся вместе с Булгаковым в 1-й Александровской гимназии, вспоминал: «Булгаков был старше меня, но я хорошо помню

стремительную его живость, беспощадный язык, которого боялись все, и ощущение определенности и силы – оно чувствовалось в каждом его, даже незначительном, слове. Булгаков был переполнен шутками, выдумками, мистификациями. Все это шло свободно, легко, возникало по любому поводу». Такой юноша, несомненно, должен был сразу очаровать юную саратовскую провинциалку. Ведь Киев, центр генерал-губернаторства, был еще и одним из видных культурных центров Российской империи. В этом отношении Саратов проигрывал будущей столице Украины по всем статьям.

Другие мемуаристы, знавшие Булгакова в гимназические годы, как и Паустовский, вспоминают, что он был изрядный шалун, не очень-то приверженный дисциплине. Что ж, Михаил Афанасьевич вполне оправдывал происхождение собственной фамилии. Ведь основа этой фамилии – тюркское слово «булга» – «шум, беспокойство, тревога, переполох, суматоха, ссора, скандал». К этому слову восходит и этноним «булгар (болгар)», который имел, по-видимому, значение, аналогичное имени «булга», и значил «смутьян, возмутитель», либо «смешанный, состоящий из различных племен». Слово «булга» родственно, в свою очередь, другому тюркскому слову «булгак» – «гордый человек, гордец». Между прочим, слово «булга» сохранилось в русских диалектах поволжских губерний, а также Владимирской и Тверской, где даже во времена Владимира Даля еще был глагол «булгатить», или «булгачить» – в значении «тревожить, беспокоить, будоражить, полошить, баламутить». Все эти слова восходят к тюркскому глаголу «бул» – «смешивать».

Наверняка они не только любовались киевскими красотами, но и говорили – о музыке, театрах, литературе. Сестра Михаила Надя писала Константину Паустовскому 28 января 1962 года: «Любимым писателем Михаила Афанасьевича был Гоголь. И Салтыков-Щедрин. А из западных – Диккенс. Чехов читался и перечитывался, непрестанно цитировался, его одноактные пьесы мы ставили неоднократно... Читали Горького, Леонида Андреева, Куприна, Бунина, сборники «Знания». Достоевского читали все... Читали мы западных классиков и новую тогда западную литературу: Мопассана, Метерлинка, Ибсена и Кнута Гамсуна, Оскара Уайльда. Читали декадентов и символистов, спорили о них и декламировали пародии Соловьева: «Пусть в небесах горят паникадила – в могиле тьма». Спорили о политике, о женском вопросе и женском образовании, об английских суфражистках, об украинском вопросе, о Балканах; о науке и религии, о непротавлении злу и сверхчеловеке; читали Ницше».

Вряд ли, конечно, Михаил заводил речь с девушкой, которой был увлечен, о женском вопросе и о том, как тяжело живется балканским славянам под турецким гнетом. А вот над юморесками Антоши Чехонте и сатирами Салтыкова-Щедрина они наверняка вместе смеялись. Булгаков ведь знал наизусть не только некоторые рассказы, но и, как вспоминала Л.Е. Белозерская, даже некоторые письма Чехова. А Салтыков для семейства Лаппа был, можно сказать, почти что своим человеком. Ведь дед Тани, Николай Иванович, когда-то служил в Рязани под началом тамошнего вице-губернатора Михаила Евграфовича Салтыкова, в литературе известного под псевдонимом Щедрин.

И вполне возможно, игнорируя политические вопросы, рассуждали о вопросах «вечных» – вере, неверии, жизни, смерти. И в связи с этим могли поминать и труды Фридриха Ницше, слова которого Булгаков вспоминал даже на смертном одре.

Однако идиллия быстро кончилась. Любовь Булгакова к Тасе с самого начала изобиловала драматическими моментами. Родители обоих были против этой связи, считая брак неравным. Булгаков был сыном профессора Киевской духовной академии, получившего звание за считанные дни до смерти. Правда, Афанасий Иванович Булгаков успел дослужиться до довольно высокого чина статского советника (между армейскими полковником и генерал-майором; соответствовал упраздненному в конце XVIII века военному чину «бригадир» – вспомним одноименную комедию Фонвизина). Этот чин права на потомственное дворян-

ство в начале XX века не давал. Такое право в гражданской службе давал только следующий чин – действительного статского советника. Значит, Михаил Булгаков был мещанином, и столбовым дворянам не очень почетно было с ним породниться. Но и мать Булгакова, очевидно, опасалась, что родители Таси будут свысока смотреть на зятя – выходца из низшего сословия. Да и по уровню доходов крупный чиновник (пост председателя казенной палаты в губернии был второй по значимости после губернатора, и занимавшие его чиновники, как правило, имели более высокое жалованье, чем вице-губернаторы) значительно превосходил профессорскую вдову, вынужденную, чтобы дать достойное образование детям, подрабатывать казначеем во Фробелевском обществе. Вероятно, мать боялась, что ее сын в семействе Лаппа будет на положении бедного родственника. Но инициатива по прекращению отношений молодых людей последовала от родителей Таси и чуть было не привела к трагедии. Может быть, они считали, что ей еще рано вступать в связь с молодым человеком – еще шестнадцати нет (а ее отношения с Михаилом носили отнюдь не платонический характер), а может, у них были на счет нее какие-нибудь матримониальные планы. К тому же была идея отправить Тасю учиться в Париж. Так или иначе, но на Рождество 1908 года Тасю не пустили в Киев, куда она обещала приехать, а отправили в Москву к бабушке. Друг Булгакова Александр Гдешинский прислал телеграмму: «Телеграфируйте обманом приезд Миша стреляется». По воспоминаниям Татьяны Николаевны, «отец сложил телеграмму и отослал в письме сестре: «Передай телеграмму своей приятельнице Варе»...». Н. Давидович показала телеграмму Варваре Михайловне. Как вспоминала Татьяна Николаевна, «они смеялись. Тогда Михаил решил сам приехать. Он как раз кончил гимназию, и дядя Коля (Н.М. Покровский, дядя Булгакова. – Б. С.) подарил ему 25 рублей. Он написал, чтобы я только вышла к поезду, и он – сразу уедет обратно. А это письмо перехватила моя мать, и меня заперли на ключ. И Михаила из Киева не отпустили».

Быть может, Михаил все-таки о самоубийстве всерьез не думал, а лишь по-театральному разыграл готовность застрелиться, чтобы добиться свидания с любимой. Очевидно, и его родители, и родители Таси эту угрозу не восприняли, только посмеялись над ней.

Тасю родители не пускали в Киев почти три года. Зато Михаил, согласно дневниковой записи его сестры Нади, «все время стремится в Саратов, где она живет...». Всего Булгаков приезжал сюда к Тасе не менее семи раз. Первый приезд был на рождественские каникулы с декабря 1911 года до середины января 1912 года. Михаил тогда приехал, сопровождая бабушку Татьяны, Елизавету Николаевну. К тому времени он уже был студентом медицинского факультета Киевского императорского университета имени Святого равноапостольного князя Владимира, куда поступил в августе 1909 года, и эта поездка самым негативным образом повлияла на булгаковскую учебу. В «Белой гвардии» Булгаков писал: «...Вечный маяк впереди – университет, значит, жизнь свободная, – понимаете ли вы, что значит университет? Закаты на Днепре, воля, деньги, сила, слава... За восемью годами гимназии... трупы анатомического театра, белые палаты, стеклянное молчание операционных...»

Но теперь осуществление мечты оказалось под угрозой. Занятия он забросил, не стал сдавать экзамены и был оставлен на повторный курс. Не исключено, что он еще раз посещал Саратов до лета 1912 года, когда его поездка отразилась в дневнике сестры Нади и письмах родных, что и вызвало перерыв в занятиях. А вот следующий визит в город на Волге состоялся в 1913 году уже после свадьбы и вместе с Тасей. Вдвоем они приехали в Саратов и в начале июня 1914 года. Там их застала Первая мировая война. Михаил помогал раненым в лазарете, организованном в казенной палате Н.Н. Лаппа, а Тася работала там же сестрой милосердия. Следующий визит четы Булгаковых в Саратов пришелся на январь 1916 года. Затем они посетили город в феврале 1917 года, и здесь их застала весть о революции. Наконец, последний раз Булгаков побывал в Саратове в декабре 1917 года.

О том, какие мысли владели в те годы Булгаковым, мы можем частично судить по дневнику его любимой сестры Надежды. Вот, например, запись от 25 марта 1912 года: «Теперь о религии... Нет, я чувствую, что не могу еще! Я не могу еще писать. Я не ханжа, как говорит Миша. Я идеалистка, оптимистка... Я – не знаю... – Нет, я пока не разрешу всего, не могу писать. А эти споры, где Иван Павлович (Воскресенский. – Б. С.) и Миша защищали теорию Дарвина и где я всецело была на их стороне, – разве это не признание с моей стороны, разве не то, что я уже громко заговорила, о чем молчала даже самой себе, что я ответила Мише на его вопрос: «Христос – Бог, по-твоему?» – «Нет!»

Между тем, по воспоминаниям Т.Н. Лаппа, «Варвара Михайловна была очень верующая. «Варя верующей была. Она зажигала лампадки под иконами, и вообще». О своем же отношении к религии Татьяна Николаевна не вспоминала ничего. Можно предположить, что она либо склонялась к модному тогда среди образованной молодежи атеизму, либо была вообще равнодушна к вопросам веры и неверия.

Михаил с Татьяной много гуляли по Киеву. Заходили они и в знаменитую панораму «Голгофа». Это посещение навевало, среди прочего, соответствующую сцену в «Мастере и Маргарите»: «Наконец, подошла кентурия под командой Марка Крысобоя. Она шла, растянутая двумя цепями по краям дороги, а между этими цепями, под конвоем тайной стражи, ехали в повозке трое осужденных с белыми досками на шее, на каждой из которых было написано «Разбойник и мятежник» на двух языках – арамейском и греческом. За повозкой осужденных двигались другие, нагруженные свежескошенными столбами с перекладинами, веревками, лопатами, ведрами и топорами. На этих повозках ехали шесть палачей. За ними верхом ехали кентурион Марк, начальник храмовой стражи Ершалаима и тот самый человек в капюшоне, с которым Пилат имел мимолетное совещание в затемненной комнате во дворце. Замыкалась процессия солдатскою цепью, а за нею уже шло около двух тысяч любопытных, не испугавшихся адской жары и пожелавших присутствовать при интересном зрелище». Но Булгаков тогда еще и не думал, что когда-нибудь напишет роман о Христе, да еще такой, который станет одним из самых популярных в XX веке.

Пока Тася училась, они с Михаилом виделись только во время каникул – летних и рождественских. Об этом свидетельствует запись в дневнике Надежды Булгаковой: «Буча. 31 июля 1911 г. Приехала к нам на эти последние летние дни Тася Лаппа: живет у нас с 29-го. Я ей рада. Она славная... Миша занимается к экзаменам и бабочек ловит, жуков собирает, ужей маринует». В 1911 году Тася, окончив с медалью Саратовскую женскую гимназию, стала работать классной дамой в ремесленном училище. На Рождество 1911 года Булгаков приехал в Саратов. Татьяна Николаевна вспоминала: «Была елка, мы танцевали, но больше сидели, болтали...» Дальнейшей разлуки с любимым она не выдержала. В августе 1912 года поступила в Киеве на историко-филологическое отделение Высших женских курсов Фробелевского общества.

Между тем любовные переживания совсем расстроили булгаковские занятия в университете. Он остался на второй год, и ему грозило исключение. 20 августа 1912 года сестра Надя записала в дневнике: «16-го, когда я устраивала мальчиков в Киеве, я зашла в нашу квартиру за книгами и там наткнулась на эту картину: Мишин кабинет в беспорядке, сам он за книгами, Тася в большой шляпе. Платон и Саша (Гдешинские. – Б. С.)... У Миши экзамены – последний срок, или он летит из университета: что-то будет, что-то будет?.. Миша со мной много говорил в тот день (добавление 1940 года: «Беспокойная он натура и беспокойная у него жизнь, которую он сам по своему характеру себе устраивает». – Б. С.). Изломала его жизнь, но доброта и ласковость, остроумие блестящее, когда его не раздражают, остаются его привлекательными чертами. Теперь он понимает свое положение, но скрывает свою тревогу, не хочет об этом говорить, гаерничает и напевает, аккомпанируя себе бравурно

на пианино, веселые куплеты из оперетт... Хотя готовится, готовится... Грустно, в общем (добавление 1940 года: «Экзамены в ту осень благополучно сдал». – Б. С.)...

Миша вернулся – en deux с Тасей; она поступает на курсы в Киеве. Как они оба подходят друг к другу по безалаберности натур! (в 1940 году добавлено: «по стилю и вкусам». – Б. С.). Любят они друг друга очень, вернее – не знаю про Тасю, но Миша ее очень любит... (16 октября 1916 года добавлено: «Теперь я бы написала наоборот». И пояснено в 1940 году: «Мишин отъезд врачом в Никольское – Тася едет с ним». – Б. С.)».

Как кажется, поездка Татьяны в смоленскую глушь воспринималась родными и близкими Булгакова едва ли не как подвиг, сравнимый с подвигом жен декабристов, отправившихся за мужьями в Сибирь.

Разумеется, учеба в Киеве для Таси была лишь предлогом: ей просто очень хотелось быть рядом с возлюбленным. Отец присылал ей ежемесячно 50 рублей. Часть этой суммы шла в уплату за обучение. Булгаков подрабатывал репетиторством, чтобы платить за квартиру, которую они снимали на Рейтарской, 25. Через полгода Тася бросила учебу, плата за которую наносила бюджету слишком сильный урон. Родители Таси уже смирились с неизбежностью брака дочери, но Варвара Михайловна все еще была против. Татьяна Николаевна вспоминала: «... Однажды я получаю записку от Варвары Михайловны: «Тася, зайдите, пожалуйста, ко мне». Ну, я пришла. Она говорит: «Тася, я хочу с вами поговорить. Вы собираетесь выходить замуж за Михаила? Я вам не советую... Как вы собираетесь жить? Это совсем не просто – семейная жизнь. Ему надо учиться... Я вам не советую этого делать...» – и так далее. Еще она просила меня не говорить Михаилу об этом разговоре... Ну, я ей ничего не сказала (о беременности – Тася была беременна, и Михаил еще до свадьбы помог ей сделать аборт. – Б. С.), а Михаилу все-таки рассказала, что Варвара Михайловна против. Он отвечает: «Ну, мало что она не хочет, но все равно я должен жениться». И мы решили обвенчаться сразу после Пасхи».

В.М. Булгакова писала дочери Наде в Москву 30 марта 1913 года: «Давно собираюсь написать тебе, но не в силах в письме изложить тебе всю эпопею, которую я пережила в эту зиму: Миша совершенно измочалил меня... В результате я должна предоставить ему самому пережить все последствия своего безумного шага: 26 апреля предполагается его свадьба. Дела стоят так, что все равно они повенчались бы, только со скандалом и с разрывом с родными; так я решила устроить лучше все без скандала. Пошла к отцу Александру Александровичу (Глаголеву, обвенчавшему молодых. – Б. С.) (можешь представить, как Миша с Тасей меня выпроваживали поскорее на этот визит!), поговорила с ним откровенно, и он сказал, что лучше, конечно, повенчать их, что «Бог устроит все к лучшему»... Если бы я могла надеяться на хороший результат этого брака; а то я, к сожалению, никаких данных с обеих сторон к каким бы то ни было надеждам не вижу, и это меня приводит в ужас. Александр Александрович искренне сочувствовал мне, и мне стало легче после разговора с ним... Потом Миша был у него; он, конечно, старался обратить Мишино внимание на всю серьезность этого шага (а Мише его слова как с гуся вода!), призывал Божье благословение на это дело...»

Вероятно, тот разговор Таси с Варварой Михайловной запомнился Михаилу. Так же Воланд спрашивал воссоединившихся на балу сатаны Мастера и Маргариту: «А чем же вы будете жить?»

Несмотря на более чем настороженное отношение родителей, свадьба все-таки состоялась.

26 апреля 1913 года Михаил и Тася обвенчались. Обряд совершил друг семьи Булгаковых отец Александр Глаголев. Поручителями выступили друзья Михаила: Борис Богданов и братья Гдешинские, Платон и Александр, а также его двоюродный брат Константин Петрович Булгаков. Деньги, высланные родителями Таси на свадьбу, молодые прокутили в

киевских кафе. Тогда родители невесты сами купили новобрачным обручальные кольца, а в качестве приданого подарили столовое серебро, золотую цепь и золотую браслетку. Эта браслетка стала для Михаила и Таси своеобразным талисманом. Не раз они закладывали ее в трудных жизненных обстоятельствах, но затем обязательно выкупали ее. Даже после развода Михаил однажды одалживал у нее браслетку на счастье. И надел ее, когда шел в редакцию «Недр» получать гонорар за повесть «Роковые яйца». И действительно, так нужный ему гонорар Булгаков в тот день получил. А потом Татьяна Николаевна, после развода оставшаяся почти без средств к существованию, браслетку все-таки продала. Когда Михаил узнал об этом, то страшно возмущился. Татьяна Николаевна вспоминала: «Потом он стал знаменитым. «Дни Турбиных» в МХАТе пошли... И хоть бы раз предложил. Ведь знал, что трудно достать. Ни разу. Однажды приходит... а я как раз браслетку продала... Ну, жить-то надо!.. Господи, что с ним было! Как раз в этот день... Потом я его долго не видела. Не знаю, что было».

Из рассказа первой жены Булгакова можно сделать однозначный вывод. Браслетка была еще цела, когда на сцене пошли «Дни Турбиных», то есть как минимум до конца 1926 года. Но мне кажется, что последний раз перед длительным перерывом Булгаков пришел к Татьяне Николаевне в один из дней рокового 1929 года, незадолго до того, когда все пьесы были запрещены и когда над ним уже сгущались тучи. Пришел и узнал, что как раз в этот день Тася продала заветную браслетку! Было отчего расстроиться Михаилу Афанасьевичу, так верившему в приметы. И можно не сомневаться, что последующие несчастья он среди прочего связывал и с безвозвратной утратой прежде столь надежного талисмана.

Но до всех этих несчастий было еще очень далеко. Пока же казалось, что все налаживается. Вот поженились, зажили самостоятельной жизнью. Михаилу удавалось зарабатывать репетиторством до 25 рублей в месяц. Скромно, но прожить можно. Да и родители помогали. Тася после свадьбы учебу оставила – еще одно доказательство, что учеба нужна была только как предлог, чтобы видаться с Михаилом. Занялась хозяйством.

И, положив руку на сердце, наверное, не только любовь влекла их друг к другу, но и стремление поскорее вырваться от опеки родителей, зажить самостоятельно, своим домом.

Татьяна Николаевна так вспоминала о свадьбе: «Священник Александр Глаголев нас венчал. Мы все время хохотали, все время смеялись... Отец Александр был исключительно добрым, мягким и образованным человеком. Он знал много языков, преподавал в академии церковную археологию и древнееврейский язык».

Тут стоит сделать небольшое отступление по поводу близкого друга семьи Булгаковых. Судьба Александра Александровича Глаголева, человека доброго и незаурядного, была трагичной, как и весь XX век для России. Протоиерей Александр Глаголев родился 14 февраля 1872 года в семье священника, в Тульской губернии. Там же он окончил духовную семинарию, выпускник Киевской Духовной академии, профессор кафедры древнееврейского языка и библейской археологии Киевской Духовной академии, цензор в Духовно-цензурном комитете, преподаватель Закона Божьего в Фундуклеевской женской гимназии, занимал пост профессора Киевской Духовной академии на кафедре библейской археологии, позже ректора, а также служил настоятелем церкви Святого Николы Доброго у подножия Андреевского спуска. В 1898 году получил степень кандидата богословия. В 1900 году 28-летний Александр Глаголев защитил в КДА магистерскую диссертацию «Ветхозаветное библейское учение об Ангелах» – выдающийся труд, который привлек внимание к молодому талантливому ученому. А. Глаголев становится членом Комиссии по научному изданию славянской Библии, принимает участие в издании Православной богословской энциклопедии. По просьбе А.П. Лопухина он пишет комментарии на третью и четвертую книги Царств для «Толковой Библии», публикуется в различных журналах, особенно в «Трудах Киевской Духовной академии».

Внучка праведника, Магдалина Алексеевна Глаголева, вспоминая о дедушке, говорит: «Ему были присущи смирение и простота. Не та *sancta simplicitas*, о которой говорят в отношении детей или простаков, которые многого не понимают. А простота от мудрости. Мудрость и предельное незлобие – любовь к людям».

Отец Александр Глаголев выступил свидетелем защиты в известном процессе по делу Менделя Бейлиса, доказав, что в иудаизме нет ритуальных убийств. Защита невинного человека возымела действие и положила предел беззаконию.

В годы Первой мировой войны отец Александр Глаголев был полковым священником 5-го Каргопольского драгунского полка, где рядовым, а потом унтер-офицером служил будущий маршал Советского Союза К.К. Рокоссовский. Что еще важнее, полк входил в состав 5-й кавалерийской дивизии, которой долгое время командовал генерал П.П. Скоропадский, будущий гетман Украины и персонаж булгаковской «Белой гвардии» и «Дней Турбиных». Отец Александр наверняка был знаком с будущим гетманом, и, думаю, Булгаков в изображении Скоропадского опирался, в числе прочего, и на его рассказы.

18 августа 1916 года приказом № 159 по 5-му Каргопольскому драгунскому полку его командир полковник Петерс объявил: «Приказом по ведомству протопресвитера военного и морского духовенства от 11 июля с. г. № 31 полковой священник отец Александр Глаголев оставляет наш полк, с которым неотлучно пробыл с самого начала войны. Полк привык и любил его пастырское слово, которое зачастую являлось сильной нравственной поддержкой в трудные моменты войны.

На поле боя отец Александр не только утешал раненых своим душевным словом, но и оказывал посильную помощь в перевязке их.

Во время затишья своими беседами в эскадронах и командах отец Александр умел завоевать глубокую симпатию среди драгун: его слушали и понимали. Его речи были ясны и чрезвычайно полезны для нравственной подготовки людей. От лица службы благодарю отца Александра за его полезную деятельность во вверенном мне полку.

С глубоким сожалением полк расстается со своим пастырем, и, прощаясь с Вами, каждый верующий скажет: «Да заповедает Господь Бог Ангелам своим охранять ты во всех путях твоих».

Сын отца Александра Алексей, принявший священнический сан летом 1941-го, спас от смерти десятки евреев в оккупированном немцами Киеве, рискуя собственной жизнью.

В 1931 году отец Александр Глаголев был арестован в первый раз. Полгода священника продержали в Лукьяновской тюрьме. Однако выпустили за отсутствием улик.

Александр Глаголев никому не отказывал в помощи, по свидетельству близких и друзей, в любое время дня и ночи он спешил на помощь.

В 1934 году власти начали разрушать храм Николы Доброго. За Глаголевым установили слежку. Александру Глаголеву, арестованному вторично в 1937 году, инкриминировали ни много ни мало, а «активное участие в антисоветской фашистской организации церковников». Вот что вспоминала внучка отца Александра Магдалина Алексеевна: «В 1937 году полностью сбылось предсказание Ф.М. Достоевского: «Если Бога нет – все дозволено». 17 октября 1937 года арестовали (17 ноября 1937 года расстреляли) священника Михаила Едлинского, друга дедушки, который служил в Набережно-Никольской церкви с дедушкой вплоть до ареста». А в ночь с 19 на 20 октября 1937 года, еще до рассвета, «черный ворон» подкатил к жилищу Александра Глаголева. «Мама, – продолжает Магдалина Алексеевна, – по всем инстанциям ходила сама, всюду называя себя дочерью отца Александра Глаголева. С ночи записывалась на прием к следователю, прокурору. Выстаивала в очередях для посылки денег. Это тоже являлось тестом: если деньги в тюрьме принимают, значит, человек еще находится здесь, на месте.

В конце ноября 1937 года, дождавшись своей очереди у следователя, мама услышала:

- Он... умер.
- Когда, как?
- Разговор окончен.

Мы пережили смерть дедушки. Ходили за утешением и заочным погребением к дедушкиному другу – архиепископу Антонию Абашидзе, жившему на Кловском спуске в маленькой хибарке. Он когда-то преподавал в Тифлисской семинарии и был учителем Сталина. Может быть, поэтому его не тронули».

А далее появилась надежда. А вдруг священник жив? Ведь когда Татьяна Павловна попробовала передать деньги в тюрьму, их приняли. Затеplилась надежда. А вскоре по большому доверию ей сообщили о том, что Глаголев «скоро будет послан по этапу, можно передать теплые вещи». Вещи приняли... «Мама, – пишет Магдалина Глаголева-Пальян, – снова записывается к тому следователю, который сказал о дедушкиной смерти. Прием ведет другой. Отвечает: «Находится под следствием».

- А когда принимает товарищ такой-то? – (мама называет фамилию).
- Он не работает.
- Что, в отпуске?
- Нет, он враг народа.

Папа ночами ходил на Лукьяновское кладбище. Из тюрьмы туда вывозили трупы в грузовиках, открывали борт машины и сбрасывали тела в общую могилу. Там папа предполагал узнать дедушку. Только в 1944 году в Москве маме ответили официально, что А.А. Глаголев умер 25.11.37 года от уремии и сердечной недостаточности. Так служба НКВД всячески пыталась скрыть следы своего преступления.

Через шестьдесят лет, в феврале 1997 года, я была допущена ознакомиться с тюремным делом за № 71156 ФП на Александра Александровича Глаголева, арестованного 20 октября 1937 года по обвинению в активном участии в антисоветской фашистской организации церковников. Преступление по ст. 54–10 и 54–11 УК УССР. У меня создалось впечатление, что над материалами «дела» позднее усердно «поработали».

Отец Александр Глаголев был глубоко верующим, истинным христианином, необыкновенно смиренным, бесребренником, был известным в России и за ее пределами ученым-гебраистом. До закрытия Киевской Духовной академии в 1924 году А.А. Глаголев был там профессором кафедры библейской археологии и древнееврейского языка. Кроме того, он знал 18 классических и европейских языков и всей своей жизнью опровергал излюбленные обвинения антирелигиозников в адрес духовенства: невежество, тунеядство, одурманивание народа в корыстных целях и т. д.

Машина НКВД поставила задачу уничтожить этого священника и создала дело о якобы его «активном участии в антисоветской фашистской организации церковников». И мерой пресечения было избрано «содержание под стражей в спецкорпусе киевской тюрьмы» (оперуполномоченный Гольдфарб, начальник IV отд. Перцов). Но мучителям мало было убить отца Александра. Они еще захотели вытравить из его дела всякие следы мучений, изобразить, что смерть его наступила в результате болезни, то есть решили вытравить память о священномученике.

Согласно материалам дела, в тюрьме А.А. Глаголев встречает необыкновенно «гуманное отношение», его «заботливо» помещают в тюремную больницу, где он через 36 дней после ареста скончался от болезни, которой у него никогда раньше не было: от почечной и сердечной недостаточности.

В деле Александра Александровича Глаголева почти ничего нет:

- 1) нет ни одного обвинения людей, по показаниям которых он был арестован;
- 2) нет имен обвинителей, а ведь они должны были быть, если отец Александр был членом «организации»;

3) нет очных ставок с членами этой «организации» или с обвинителями;

4) главное, нет ни одного протокола допроса. А допросы были. Свидетель этому – вернувшийся в 1946 году в Киев из ссылки священник отец Кондрат Кравченко, который сидел в Лукьяновской тюрьме в 1937 году вместе с отцом Александром Глаголевым.

Со слов отца Кондрата, в тюрьме у некоторых следователей бытовала следующая методика допросов: ночью допрашиваемых заставляли часами стоять в очень неудобном положении с запрокинутой головой. Сам отец Кондрат подвергался дважды таким допросам, а отца Александра Глаголева, по его словам, допрашивали таким образом 18 раз, отчего отец Кондрат характеризует отца Александра Глаголева не как просто мученика, а великомученика (отец Кондрат Кравченко был арестован летом 1937 года. Из Лукьяновской тюрьмы был выслан за Полярный круг в том же, в чем его и взяли, – в парусиновых туфлях и плаще. Там он отморозил ноги, и у него отпали фаланги пальцев, его комиссовали. Как «активированного», то есть списанного «по акту», отпустили на более легкий труд. Довелось идти на новое место назначения по льду на костылях, он упал, не мог идти. Конвой засовещался: «Пристрелить или сам дойдет?» – «Да сам дойдет!» А врач подошла и спросила: «А вы чего лежите?» – «Не могу я». Тогда она его поместила в свои сани, а сама 18 км шла пешком. После пребывания в таких условиях заключения и ссылки самыми тяжкими, по его словам, были воспоминания об этих двух допросах);

5) в деле нет ни одной справки, когда и чем заболел А.А. Глаголев, когда его поместили в больницу, кто был его лечащим врачом. Есть только справка о смерти в больнице.

6) нет ни одной записки, подписанной отцом Александром. Только никем не подписанные черновики. В них он описывает свой день до ареста. Он служил в церкви ежедневно утром и вечером. Во время короткого дневного отдыха читал книги (работал). Вечером после церкви – чтение молитвенного священнического правила, занимавшего часть ночи. (Поражает его удивительная работоспособность. Чтобы вести такой образ жизни, нужно было быть достаточно здоровым человеком. В тюрьму он пошел своими ногами, и вдруг через 36 дней «умер», не будучи осужден.)»

Так мы до сих пор и не знаем, действительно ли бывший настоятель храма Николы Доброго и бывший профессор Киевской Духовной академии Александр Александрович Глаголев умер в тюремной больнице через 36 дней после ареста от сердечного приступа или был расстрелян. В пользу первой версии, помимо официальных материалов его дела, говорит короткий срок пребывания под стражей. Обычно человека не расстреливали так быстро. Следствие обычно продолжалось до трех месяцев, чтобы выбить от подследственного показания на мнимых соучастников, которых потом можно было арестовать, а потом, в свою очередь, получить от них показания на новых жертв. Получалась такая гигантская пирамида, которую могли перестать возводить только тогда, когда сверху поступит приказ о свертывании репрессий. Надо также отметить, что когда в 1939 году и позднее стали сообщать о судьбах людей, расстрелянных в 1937–1938 годах, то, как правило, сообщали, что они получили десять лет лагерей без права переписки и во время отбытия наказания умерли такого-то числа, такого-то года от такой-то болезни. Практически никогда родным не сообщали, тем более сразу же, что человек умер во время следствия. Такое прикрытие для расстрелов, как правило, не использовали, поскольку у родных сразу бы возник вопрос: а не применялись ли к погибшему недозволенные методы ведения следствия?

Но, с другой стороны, репрессии против «врагов народа», в состав которых входили и «церковники», тогда осуществлялись по приговорам созданных приказом НКВД № 00447 от 31 июля 1937 года в административном порядке судебных троек в составе секретаря местной парторганизации, главы НКВД и прокурора, а следствие велось в ускоренном порядке. При этом приговоры были только двух видов – либо расстрел, либо 8–10 лет лагерей. Иногда срок жизни арестованных по приказу № 00447 и аналогичных ему составлял немногие

недели. Например, аресты по приказу № 0447 начались только 5 августа, а 31 августа одних «кулаков» было арестовано уже около 150 тыс., из которых более 30 тыс. были расстреляны. Так что не исключено, что отца Александра Глаголева успели расстрелять «в ускоренном порядке». Возможно также, что он умер от примененных по отношению к нему мер физического воздействия. Жаль, что мы, вероятно, никогда точно не узнаем, как именно умер Александр Александрович Глаголев.

В то же время вероятность, что отец Александр был все-таки расстрелян, достаточно велика. Это хорошо видно на примере одного из второстепенных персонажей нашей книги, журналиста-сменовеховца Ильи Марковича Василевского, первого мужа второй жены Булгакова Любови Евгеньевны Белозерской. Вплоть до начала XXI века считалось, что он был арестован по ложному обвинению и умер в тюрьме 14 июня 1938 года. Но вот были опубликованы «Сталинские расстрельные списки» – списки репрессированных, утверждавшихся на Политбюро. Там в списке от 10 июня 1938 года под номером 23 значится Василевский Илья Маркович (он же Небуква), осужденный по 1-й категории, то есть к расстрелу. Материалы о нем были представлены центральным аппаратом НКВД. В приложенной же справке сообщается: «Василевский-Небуква Илья Маркович. Год рождения: 1882. Место рождения: г. Полтава. Национальность: еврей. Образование: среднее. Партийность: б/п. Работа: член Союза советских писателей. Место проживания: Москва, Сверчков пер., д. 8, кв. 9. Дата ареста: 01.11.37. Осудивший орган: ВКВС (Военная коллегия Верховного Суда. – Б. С.) СССР. Дата осуждения: 14.06.38. Обвинение: участие в к.-р. террористической организации. Дата смерти: 14.06.38. Реабилитация: ВКВС СССР. Дата реабилитации: 14.02.61».

Можно предположить, что о тех расстрелянных, о смерти которых каким-то образом родным становилось известно тогда же, в 1937–1938 годах, при реабилитации выдавали справки, что они умерли в тюрьме во время следствия. Однако между И.М. Василевским и А.А. Глаголевым есть одно существенное различие. От ареста до гибели первого прошло семь с половиной месяцев, а второго – всего лишь 36 дней. Так что не исключено, что отец Александр все-таки умер в тюрьме и не был расстрелян.

Думаю, что Булгаков так и не узнал о гибели отца Александра. Последний раз в Киеве Михаил Афанасьевич был в августе 1937 года, когда возвращался после отдыха на даче актера В.А. Степуна в Богунье под Житомиром. В дневниковых же записях Елены Сергеевны за конец 1937-го и последующие годы имя Глаголева нигде не упоминается. Вряд ли бы она упустила столь важное для мужа событие. Сообщать же об арестах, а тем более о гибели арестованных в письмах было не принято. Письма очень часто перлюстрировались, и излишняя откровенность могла сама по себе послужить поводом для новых арестов.

Но до всех этих трагедий, повторяю, было еще очень далеко. Пока же Михаил и Тася, не предвидя грядущие бури, наслаждались медовым месяцем.

«После венчания жили вместе на Рейтарской, потом – на Андреевском спуске, против Андреевской церкви, у Ивана Павловича Воскресенского. Там была одна комната, но с отдельным входом. Мы ходили в Купеческий сад на каждый симфонический концерт. Он очень любил увертюру к «Руслану и Людмиле», к «Аиде» – напевал: «Милая Аида... Рая создание...» Ходили в театр, «Фауста» слушали, наверно, раз десять... Больше всего Михаил любил «Фауста» и чаще всего пел «На земле весь род людской» и арию Валентина – «Я за сестру тебя молю».

А вот что по поводу музыкальных пристрастий брата Надежда Булгакова (Земская) писала К.Г. Паустовскому в уже цитированном письме от 28 января 1962 года: «Михаил Афанасьевич играл на пианино увертюры и сцены из всех своих любимых опер: «Фауст», «Кармен», «Руслан и Людмила», «Севильский цирюльник», «Травиата», «Тангейзер», «Аида». Пел арии из опер. Особенно часто он пел все мужские арии из «Севильского цирюльника» и арию Валентина из «Фауста», эпиталаму из «Нерона». Когда Киевский опер-

ный театр начал ставить оперы Вагнера, мы слушали их все (Михаил, конечно, по несколько раз), а в доме зазвучали «Полет валькирий» и увертюра из «Тангейзера».

Параллельно роману Михаила с Тасей развивался роман Варвары Михайловны с доктором Иваном Павловичем Вокресенским, который был моложе ее почти на десять лет. По свидетельству Татьяны Николаевны, Булгаков эту связь не одобрял, хотя виду не показывал. Т.Н. Лаппа вспоминала: «Михаил... все возмущался, что Варвара Михайловна с Воскресенским... Он каждую субботу приезжал в Бучу, а если они были в Киеве, приходил все время, поздно возвращался. Даже ночевать оставался где-то там... отдельно... не знаю, Михаила это очень раздражало. Он мне говорил: «Я просто...» Он выходил из себя. Конечно, дети не любят, когда у матери какая-то другая привязанность. Или они уходили гулять куда-то там на даче, он говорит: «Что это такое, парочка какая пошла». Переживал. Он прямо говорил мне: «Я просто поражаюсь, что мама затеяла роман с доктором». Очень был недоволен». И не случайно в «Белой гвардии» временем смерти матери Турбиных назван май 1918 года, когда состоялся брак Варвары Михайловны с И.П. Воскресенским, и они стали жить вместе у Ивана Павловича, покинув «дом Турбиных» на Андреевском спуске (правда, обвенчались они только 5 июля 1920 года).

По-другому относилась к своему отчиму Надежда Булгакова. Она утверждала: «Иван Павлович был, по-видимому, совершенно равнодушен к религии и спокойно атеистичен и вместе с тем глубоко порядочен в самой своей сущности, человек долга до мозга костей...»

В мирной Российской империи Михаилу и Тасе суждено было прожить в счастливом браке чуть больше года. Грянула Первая мировая война. Татьяна Николаевна вспоминала: «Лето 1914 года мы провели у моих родителей в Саратове. Там застало нас недоброе известие о начале войны. Вскоре в Саратов, расположенный далеко от фронта, стали прибывать первые раненые. Городские власти на деньги чиновников казенной палаты устроили лазарет, патронессой которого стала моя мать – Евгения Викторовна. Врачей и сестер милосердия не хватало. Вот тогда-то моя мама и предложила зятю поработать некоторое время в лазарете. В это время и запечатлел его в белом халате какой-то фотограф-любитель в окружении выздоравливающих пациентов и среднего медицинского персонала лазарета». Это была первая медицинская практика доктора Булгакова. Он проработал в госпитале вплоть до начала университетских занятий.

В Киеве война первые месяцы еще не ощущалась. Разве что меньше стало мужчин на улицах: многие ушли на фронт. Молодежь еще шутила и веселилась. Т.Н. Лаппа описывает такой вот забавный эпизод: «Однажды Михаил с Сашей поссорились. Он подарил Гдешинскому ножик, и кто-то сказал: «Вы, вероятно, поссоритесь». И вот, как-то мы гуляли – я, Михаил и Сашка – и зашли в магазин какой-то. Там очень красивые гравюры были. Одна мне понравилась. Там голая женщина была изображена, но очень красивая, очень хорошо сложена. И я все любовалась, какая красивая картина. Сашка Гдешинский купил и преподнес мне. Михаил так обиделся! «Выбрось эту картину! Моей жене друг преподносит голую женщину!»... Я завернула ее и положила за шкаф. Ну, потом они помирились».

Но вскоре в компании молодых друзей, куда входил и Булгаков, произошла трагедия. Вот как ее описала Татьяна Николаевна: «Еще был Борис Богданов. Часто к нам приходил. Обязательно принесет коробку конфет и говорит: «Вот, это твоей жене. Пускай ест конфеты, а мы с тобой пойдем сейчас на бильярде поиграем». Они уходили, играли на бильярде, пили пиво, потом приходили... Этот Борис был такой веселый. И вот однажды получил Михаил от него записку: «Приходи, я больной». Пришел он к Борису: «Что с тобой?» – «Да вот, какая-то хандра... Не знаю, что со мной». Что-то посидели, поговорили, потом Борис говорит: «Слушай-ка, достань там мне папиросы в кармане». Михаил отвернулся, а он – пах!.. выстрелил в себя. Михаил повернулся, а тот выговорил: «Типейка... только...» – и свалился. Наповал. Он хотел сказать, что там никаких папирос нету, только копейка: «Типейка там...» Михаил при-

бегают и рассказывает. Очень сильно это подействовало на него. Он и без этого всегда был нервный. Очень нервный. На коробке от папирос было написано, что «в моей смерти прошу никого не винить». Кто-то его в трусости, что ли, обвинил... Интересный такой парень был».

Тот же эпизод запечатлен и в письме Нади Булгаковой матери от 2 марта 1915 года: «О смерти Бори Богданова ты знаешь уже от Вари... Он экстренно вызвал к себе Мишу и тут же при нем застрелился. Промучался ночь и на другой день умер... Миша вынес немалую пытку». Н.А. Булгакова сделала к этому позднейшее примечание: «Боря Богданов – близкий друг М.А., сидевший с ним на одной парте несколько лет. Бывал в доме Булгаковых летом почти ежедневно, а зимой часто. Дача Богдановых находилась недалеко от дачи Булгаковых. В 1914 году был призван на военную службу и служил в инженерных войсках. Застрелился в присутствии М. Булгакова...»

Были слухи, что Борис покончил с собой из-за обвинений в трусости, нежелании идти на фронт. Более вероятно, что причиной самоубийства мог быть какой-то долг, который Борис не мог отдать, или растрата каких-то казенных денег – об этом тоже говорили друзья Михаила. Если это так, то находит объяснение его последняя просьба к Михаилу посмотреть деньги в карманах пальто и последние слова самоубийцы о том, что денег там осталось лишь копейка («типейка» на гимназическом жаргоне). Была и более романтическая версия: Богданов застрелился будто бы из-за отказа сестры Михаила Вари выйти за него замуж. В этом случае можно понять, почему именно Варя первой сообщила в Москву о самоубийстве Бориса и почему самоубийство было намеренно совершено в присутствии Михаила. Не исключено, что причин было несколько, и их совокупность давила на Бориса и привела в конце концов к роковому шагу. Возможно, что Булгаков знал и что-то более определенное о том, почему именно застрелился его друг, но никаких свидетельств на этот счет нам не оставил, или, во всяком случае, ничего не сказал на сей счет Тасе. Наверное, это была первая смерть, которую ему довелось увидеть воочию. Память о ней отразилась во многих произведениях Булгакова: в рассказе «Красная корона» – смерть брата главного героя, в повести «Морфий» – самоубийство доктора Полякова, в неоконченной повести 1929 года «Тайному другу» – попытка самоубийства главного героя. В тяжелых жизненных обстоятельствах и у самого Булгакова не раз возникали мысли о самоубийстве, видимо, именно поэтому автобиографический герой повести «Тайному другу» пытается застрелиться из браунинга, как когда-то Борис Богданов. А ведь все это – герои автобиографичные. И не исключено, что Булгаков, как и доктор Поляков, страдавший морфинизмом, в эту пору своей жизни уже всерьез подумывал о самоубийстве.

Летом 1916 года Тася вместе с мужем поехала на фронт, где работала сестрой милосердия в госпиталях в Каменец-Подольском и Черновцах. Она вспоминала: «После сдачи выпускных экзаменов Михаил добровольно поступил на службу в Киевский военный госпиталь. Вскоре его перевели поближе к фронту – в город Каменец-Подольский. Я поехала за мужем, пробыла недолго там – всех офицерских жен отправляли в тыл, и я вернулась в Киев. Однако сразу же после моего отъезда Михаил стал хлопотать, чтобы ему разрешили выписать к себе жену как сестру милосердия. Ему удалось получить добро, и он сразу дал телеграмму. Получив известие, я взяла билет и в тот же день отправилась к Михаилу. Он встретил меня на станции Ош, и на машине мы быстро добрались в Каменец-Подольский. Нас поселили в небольшой комнате, в доме, расположенном на территории госпиталя... я стала учиться и помогать Михаилу в операционной... Михаил часто дежурил ночью, а под утро приходил физически и морально разбитым: спал несколько часов, а потом опять госпиталь... И так почти каждый день. К своим обязанностям Михаил относился ответственно, старался помочь больным, облегчить их страдания. Это было замечено, и несколько раз медицинское начальство объявляло ему благодарности... Несмотря на занятость, мы с Михаилом смогли

выбраться в театр и бегло осмотреть центр этого красивого города со старинными костелами и мрачными средневековыми постройками...

Он очень уставал после госпиталя, приходил – ложился, читал. В Черновцах... купили однажды после жалования груши дюшес и красное вино... Как-то пошли в ресторан... вышли – нищенка, Михаил протянул руку за портмоне, оно осталось в ресторане; вернулись, нам тут же отдали. Да, он всегда подавал нищим, вообще совсем не был скупым, деньги никогда не прятал...»

5 июня 1916 года император Николай II санкционировал откомандирование 300 врачей выпуска этого года – ратников ополчения второго разряда – в распоряжение Министерства внутренних дел для использования их в земствах, но с сохранением прав и преимуществ, установленных для врачей резерва. Булгаков еще в ноябре 1912 года при явке к исполнению воинской повинности был зачислен в ратники ополчения второго разряда по состоянию здоровья, и поэтому сразу же попал в число 300 врачей, командируемых в земства. 16 июля 1916 года он был определен «врачом резерва Московского окружного военно-санитарного управления» и откомандирован в распоряжение смоленского губернатора. Вероятно, во второй половине июля в связи с этим Булгаковы впервые посетили Смоленскую губернию. Окончательно же Черновцы они оставили только в середине сентября – очевидно, требовалось время, чтобы прислать на замену нового врача в госпиталь. Ехали через Москву и навестили сестру Надю. Об этом посещении она сделала запись 22 сентября 1916 года – характерный срез булгаковских мыслей и настроений: «Вечер. Миша был здесь три дня с Тасей. Приезжал призываться, сейчас уехал с Тасей (она сказала, что будет там, где он, и не иначе) к месту своего назначения «в распоряжение смоленского губернатора». Привез он с собой дикое и нелепое известие о мамином здоровье (у В.М. Булгаковой подозревали рак, но впоследствии страшный диагноз не подтвердился. – Б. С.). Привез тревогу, трезвый взгляд на будущее, жену, свой юмор и болтовню, свой столь привычный и дорогой мне характер, такой приятный для всех членов нашей семьи. И как всегда чувствовалось перед лицом серьезного несчастья, привез заботу о семье, и струны нашей связи – моей с ним – нашей общей, семейной – вдруг зазвучали, перед лицом серьезного несчастья, очень громко...»

Тогда тревога Михаила была связана только с предполагаемой болезнью матери. Ни он, ни Тася, ни Надя, как и подавляющее большинство современников, не могли и подумать, что через каких-нибудь пять месяцев случится революция, которая положит начало ломке прежнего жизненного уклада, и что довершат эту ломку через год большевики.

В сентябре Булгаковы переехали в село Никольское Сычевского уезда Смоленской губернии, где Булгаков служил земским врачом.

Там Тася сделала второй аборт, во многом из-за начавшегося вскоре морфинизма мужа. Возможно, именно из-за последствий этого аборта она в дальнейшем не смогла иметь детей.

Татьяна Николаевна вспоминала: «Осенью (1916 года – Б. С.) Михаила вызвали в Москву. В штабе решили, что на фронте нужны опытные тыловые врачи, а молодежь должна занять их место. Так мы попали в Смоленскую губернию. Сначала в Никольскую больницу Сычевского уезда, а с осени 1917-го в город Вязьму – городскую уездную больницу, где Михаил проработал до февраля 1918 года». Врачебное отделение Московского окружного военно-санитарного управления – Смоленской губернской земской управе, 4 октября 1916 года: «Врачебное отделение уведомляет губернскую земскую управу, что прибывшие врачи резерва Московского окружного военно-санитарного управления Георгий Яковлевич Мгебров, Михаил Афанасьевич Булгаков и Сергей Евгеньевич Лотошенко-Глоба г. Губернатором командированы в распоряжение земской управы».

Тася утверждала, что отношение к детям у Михаила было, мягко говоря, сложное: «Он любил чужих детей, не своих. Потом, у меня никогда не было желания иметь детей. Потому что жизнь такая. Ну что б я стала делать, если б у меня ребенок был? А потом, он же был

больной морфинист. Что за ребенок был бы?» Вероятно, нелюбовь к своим детям и любовь к чужим были в характере Михаила Афанасьевича. Он так и не завел своих детей и не пытался сделать это даже в относительно благоприятные периоды своей жизни, например в середине 20-х годов, ни в одном из трех браков, зато нежно любил пасынка – сына Е.С. Булгаковой Сергея от брака с Е.А. Шиловским.

Н.А. Булгакова утверждала: «1916 год. Приехав в деревню в качестве врача, Михаил Афанасьевич столкнулся с катастрофическим распространением сифилиса и других венерических болезней (конец войны, фронт валом валил в тыл, в деревню хлынули свои и приезжие солдаты). При общей некультурности быта это принимало катастрофические размеры. Кончая университет, М.А. выбрал специальностью детские болезни (характерно для него), но волей-неволей пришлось обратить внимание на венерологию. М.А. хлопотал об открытии венерологических пунктов, о принятии профилактических мер».

Татьяна Николаевна вспоминала: «В Смоленске переночевали и поездом отправились в Сычевку – маленький уездный городишко; там находилось главное управление земскими больницами... Мы пошли в управу... нам дали пару лошадей и пролетку... Была жуткая грязь, 40 верст ехали весь день. В Никольское приехали поздно, никто, конечно, не встречал...

Не успели распаковать вещи и лечь спать, как тут же нас разбудил страшный грохот... Из далекого села привезли в тяжелом состоянии роженицу... Я взяла Михаила под руку, и мы зашагали по направлению к светящимся окнам больницы. На пороге нас встретил громадный заросший мужик средних лет, который, не здороваясь, пригрозил: «Смотри, доктор, если зарежешь мою жену – убью!» Он посторонился, отступая в темноту, а мы прошли в палату... Молодая женщина, вся в испарине, громко стонала и как бы сквозь сон просила о помощи. У нее неправильно шел ребенок... Михаил заметно волновался: ему впервые пришлось принимать роды. Тотчас же потребовал, чтобы поближе к нему положили принесенные книги... Не один раз Михаил отходил от стола, где лежала роженица, и обращался к книгам, лихорадочно перелистывая страницы. Наконец раздался желанный детский крик, и в руках Михаила оказался маленький человек. Под утро мать пришла в себя, и мы увидели ее слабую улыбку».

«Я ходила иногда в Муравишники – рядом село было, – там один священник с дочкой жил. Ездили иногда в Воскресенское, большое село, но далеко. В магазин ездили, продукты покупать. А то тут только лавочка какая-то была. Даже хлеб приходилось самим печь... Очень, знаете, тоскливо было».

Напротив больницы в деревянном доме жила семья последнего владельца Никольского Н.И. Смирягина, который к тому времени уже умер. Остались его вдова, сын с женой и две дочери. Они запомнились Татьяне Николаевне: «Напротив больницы стоял полуразвалившийся помещичий дом. В доме жила разорившаяся помещица, еще довольно молодая вдова. Михаил слегка ухаживал за ней...» Однако, судя по всему, дальше легкого флирта дело не пошло.

В качестве земского врача Булгаков работал поистине самоотверженно. Татьяна Николаевна свидетельствовала: «Для него было вполне естественным откликаться по первому зову. Сколько раз, отказываясь от сна и отдыха, садился в сани и в метель, и в лютую стужу отправлялся по неотложным делам в далекие села, где его ждали. Никогда не видела его раздраженным, недовольным из-за того, что больные досаждали ему. Я ни разу не слышала от Михаила жалоб на перегрузку и усталость. Он долго и тяжело переживал только в тех случаях, когда был бессилён помочь больному, но, к счастью, за всю его земскую службу таких ситуаций было очень мало. Распорядок дня сложился таким образом, что у него был перерыв только на обед, а прием часто затягивался до ночи: свободного времени тогда у

Михаила просто не было. Помню, он как-то сказал: «Как хочется мне всем помочь. Спасти и эту, и того. Всех спасти».

В рассказе «Вьюга» Булгаков писал: «Ко мне на прием по накатанному санному пути стали ездить по сто человек крестьян в день. Я перестал обедать... И, кроме того, у меня было стационарное отделение на тридцать человек. И, кроме того, я ведь делал операции. Одним словом, возвращаясь из больницы в девять часов вечера, я не хотел ни есть, ни пить, ни спать... И в течение двух недель по санному пути меня ночью увозили раз пять».

Но надвинулись грозные времена. По словам Татьяны Николаевны, «в конце зимы 1917 года Михаилу дали отпуск, мы поехали в Саратов, там застало нас известие о Февральской революции. Прислуга сказала: «Я вас буду называть Татьяна Николаевна, а вы меня – Агафья Ивановна». Жили мы в казенной квартире – в доме, где была казенная палата... Отец с Михаилом все время играли в шахматы». Надо полагать, что они живо обсуждали случившееся историческое событие, которое у Булгакова никакого восторга не вызывало. В 1919 году в фельетоне «Грядущие перспективы» он предупреждал соотечественников: «Нужно будет платить за прошлое невероятным трудом, суровой бедностью жизни... Платить за безумство мартовских дней, за безумство дней октябрьских...» А в «Белой гвардии» Алексей Турбин возмущенно восклицает: «Ему (Николаю II. – Б. С.) никогда, никогда не простится его отречение на станции Дно. Никогда. Но все равно, мы теперь научены горьким опытом и знаем, что спасти Россию может только монархия. Поэтому, если император мертв, да здравствует император! – Турбин крикнул и поднял стакан».

А в «Киев-городе» Булгаков писал: «Легендарные времена оборвались, и внезапно и грозно наступила история. Я совершенно точно могу указать момент ее появления: это было в 10 час. утра 2 марта 1917 года, когда в Киев пришла телеграмма, подписанная двумя загадочными словами: «Депутат Бубликов». Ни один человек в Киеве, за это я ручаюсь, не знал, что должны были обозначать эти таинственные 15 букв, но знаю одно: ими история подала Киеву сигнал к началу».

В связи с начавшейся революцией Булгаков решил забрать из университетской канцелярии свой диплом с отличием, что и осуществил 7 марта 1917 года. Он оставался в Киеве как минимум до 27 марта 1917 года. Этим днем датировано письмо А.П. Гдешинского Н.А. Булгаковой, в котором он сообщал: «Миша в Киеве».

В смоленском захолустье первое время влияние революции ощущалось довольно слабо. Крестьяне еще не разобрались в происшедшем и помещичью землю брать еще опасались. Николай Иванович Кареев, известный историк, был соседом М.А. Булгакова по Сычевскому уезду Смоленской губернии. Он проводил лето в селах Зайцево и Аносово, в четырех верстах от села Воскресенского, где читал лекции в народном доме. В мемуарах он вспоминал: «По поводу совершившейся в феврале революции приходилось вести и просто разговоры с крестьянами, приходившими к Герасимову или встречавшимися со мною на прогулках. В первый раз мне пришлось беседовать с народом без оглядки назад. Ничего в партийном смысле им не внушал, а если что-либо и оспаривал, то их неверные политические понятия... Встречаюсь я, например, на дороге со знакомым кузнецом, идем в одну сторону, беседуем. «Я хочу, – заявляет мне мой спутник, – чтобы наша республика была социалистическая». «А что, – спрашиваю я, – вы называете социалистической республикой?» «Да такая, – последовал ответ, – в которой нет президента». Я разъясняю ему, что Швейцария, в которой нет такого президента, как во Франции или Америке, вовсе не социалистическая республика и, делая характеристику швейцарских нравов, продолжаю: «Вот, видите ли, мы прошли вместе версты две и нигде не встретили надписи, запрещающей ступать на чужую собственность, а в Швейцарии это бывает написано то направо, то налево, то есть это-де частная собственность, и для посторонних прохода по ней нет». Кузнец со вниманием выслушал мое объяснение и очень похвалил швейцарские порядки, прибавив, что он сам всецело

на стороне частной собственности. Он оказался выделившимся из общины хуторянином, и мне пришлось ему объяснить, что он неправильно толкует самое слово «социализм».

Упоминаемый Н.И. Кареевым помещик О.П. Герасимов был двоюродным дядей владельца имения Муравишники, с которым дружили Булгаковы в Никольском. Кареев вспоминал: «Только раз или два побывал я в тех Муравишниках, где провел в доме деда раннее детство... Еще до Февральской революции тамошний дом сторел со всем содержимым по неосторожности сторожа. Бывший муравишниковский владелец, М.В. Герасимов, мой двоюродный брат... был в городе Сычевка городским головой и погиб во время, как ее звали на месте, «Еремеевской ночи» по личной, думаю, мести, оставив вдову и четырех маленьких детей». Но весной и даже летом 1917 года до «Еремеевской ночи» (так крестьяне называли «Варфоломеевскую ночь»), устроенной в Сычевке уже после прихода большевиков к власти, в феврале 1918 года (за несколько дней до этого) Булгаковы навсегда покинули Смоленщину. В том же месяце «Еремеевские ночи» – избиение офицеров, помещиков и других представителей имущих классов – прокатились по ряду российских городов в связи с началом немецкого наступления.

В сентябре 1917 года Булгаковы переехали в Вязьму, куда Михаила перевели заведовать инфекционным и хирургическим отделением. В сравнении с Никольским уездная Вязьма выглядела очагом цивилизации. Автобиографический герой повести «Морфий» признавался: «Уютнейшая вещь керосиновая лампа, но я за электричество! И вот я увидел их вновь, наконец, обольстительные электрические лампочки! Главная улица городка, хорошо укатанная крестьянскими санями, улица, на которой, чаруя взор, висели – вывеска с сапогами, золотой крендель, красные флаги, изображение молодого человека со свинными и наглыми глазками и с абсолютно неестественной прической, означавшей, что за стеклянными дверями помещается местный Базиль, за тридцать копеек бравшийся вас брить во всякое время, за исключением дней праздничных, коим изобилует отечество мое...»

На перекрестке стоял живой милиционер, в запыленной витрине смутно виднелись железные листы с тесными рядами пирожных с рыжим кремом, сено устилало площадь, и шли, и ехали, и разговаривали, в будке торговали вчерашними московскими газетами, содержащими в себе потрясающие известия, недалеко призывно пересвистывались московские поезда. Словом, это была цивилизация, Вавилон, Невский проспект...

О больнице и говорить не приходится. В ней было хирургическое отделение, терапевтическое, заразное, акушерское. В больнице была операционная, в ней сиял автоклав, серебрились краны, столы раскрывали свои хитрые лапы, зубья, винты. В больнице был старший врач, три ординатора (кроме меня), фельдшера, акушерки, сиделки, аптека и лаборатория. Лаборатория, подумать только! С цейссовским микроскопом, прекрасным запасом красок...

О, величественная машина большой больницы на налаженном, точно смазанном ходу! Как новый винт по заранее взятой мерке, и я вошел в аппарат и принял детское отделение. И дифтерит и скарлатина поглотили меня, взяли мои дни. Но только дни. Я стал спать по ночам, потому что не слышалось более под моими окнами зловещего ночного стука, который мог поднять меня и увлечь в тьму на опасность и неизбежность. По вечерам я стал читать (про дифтерит и скарлатину, конечно, в первую голову, и затем почему-то со странным интересом Фенимора Купера) и оценил вполне и лампу над столом, и седые угольки на подносе самовара, и стынувший чай, и сон после бессонных полутора лет...».

Татьяна Николаевна, однако, о вяземском житье вспоминала без всякого энтузиазма: «В Вязьме... я хотела помогать ему в больнице, но персонал был против. Мне было там тяжело, одиноко, я часто плакала...» И плакать было отчего. Морфинизм Михаила прогрессировал. К наркотику он пристрастился после заражения дифтеритными пленками в ходе трахеотомии девочки, описанной в рассказе «Стальное горло». Это случилось весной 1917 года, вскоре после его поездки в Москву и Киев. После заражения Булгаков вынужден был

сделать себе прививку, после которой стал испытывать сильнейший зуд. Чтобы избавиться от него, Михаил начал принимать морфий и постепенно втянулся. Героя «Морфия» Булгаков сделал заведующим детским отделением, чтобы объяснить его заражение дифтеритом.

Татьяна Николаевна так описала обстоятельства, при которых Булгаков стал наркоманом: «Привезли ребенка с дифтеритом, и Михаил стал делать трахеотомию. Знаете, горло так надрезается... Михаил стал пленки из горла отсасывать и говорит: «Знаешь, мне, кажется, пленка в рот попала. Надо сделать прививку». Я его предупреждала: «Смотри, у тебя лицо распухнет, зуд будет страшный в руках и ногах». Но он все равно: «Я сделаю». И через некоторое время началось: лицо распухает, тело сыпью покрывается, зуд безумный... А потом страшные боли в ногах... И он, конечно, не мог выносить. Сейчас же: «Зови Степаниду»... Она приходит. Он: «Сейчас же мне принесите, пожалуйста, шприц и морфий». Она принесла морфий, вприснула ему. Он сразу успокоился и заснул. И ему это очень понравилось. Через некоторое время, как у него неважное состояние было, он опять вызвал фельдшерицу. Она же не может возражать, он же врач... Опять впрыскивает... Вот так это и началось».

Она так характеризовала состояние мужа после приема наркотика: «Очень такое спокойное. Спокойное состояние. Не то чтобы сонное. Ничего подобного. Он даже пробовал писать в этом состоянии».

Ощущения, испытываемые наркоманом после приема дозы, Булгаков прекрасно передал в дневниковой записи автобиографического героя повести «Морфий» доктора Полякова (дневник Полякова читает его друг доктор Бомгард уже после самоубийства сельского врача, и от лица Бомгарда ведется обрамляющее повествование): «Первая минута: ощущение прикосновения к шее. Это прикосновение становится теплым и расширяется. Во вторую минуту внезапно проходит холодная волна под ложечкой, а вслед за этим начинается необыкновенное прояснение мыслей и взрыв работоспособности. Абсолютно все неприятные ощущения прекращаются. Это высшая точка проявления духовной силы человека. И если б я не был испорчен медицинским образованием, я бы сказал, что нормальный человек может работать только после укола морфием». Напомню, что в последнем булгаковском романе «Мастер и Маргарита» морфинистом в эпилоге становится поэт Иван Бездомный, оставивший поэзию и превратившийся в профессора литературы Ивана Николаевича Понырева. Только после укола наркотика он видит во сне, как наяву, то, о чем рассказывается в романе Мастера о Понтии Пилате и Иешуа Га-Ноцри.

Булгаков страдал морфинизмом и после перевода в Вяземскую городскую земскую больницу. Облегчения на новом месте не наступило. А ведь Булгаков именно стремился убежать от морфинизма в Вязьму. Как признает Т. Н. Лаппа, одной из причин спешного отъезда в Вязьму как раз стало то, что окружающие уже заметили болезнь: «Потом он сам уже начал доставать (морфий. – Б. С.), ездить куда-то. И остальные уже заметили. Он видит, здесь (в Никольском. – Б. С.) уже больше оставаться нельзя. Надо сматываться отсюда. Он пошел – его не отпускают. Он говорит: «Я не могу там больше, я болен», – и все такое. А тут как раз в Вязьме врач требовался, и его перевели туда».

Очевидно, морфинизм Булгакова не был только следствием несчастного случая с трахеотомией, но и проистекал из общей унылой атмосферы жизни в Никольском. Молодой врач, привыкший к городским развлечениям и удобствам, тяжело и болезненно переносил вынужденный сельский быт. Наркотик давал забвение и даже ощущение творческого подъема, рождал сладкие грезы, создавал иллюзию отключения от действительности. С Вязьмой связывались надежды на перемену образа жизни, однако это оказался, по определению Татьяны Николаевны, «такой захолустный город». И все пошло по-старому. Тася вспоминала, что сразу после переезда, «как только проснулись, – «Иди, ищи аптеку». Я пошла, нашла аптеку, приношу ему. Кончилось это – опять надо. Очень быстро он его использовал (по свидетельству жены, Булгаков кололся дважды в день. – Б. С.). Ну, печать у него есть –

«Иди в другую аптеку, ищи». И вот я в Вязьме там искала, где-то на краю города еще аптека какая-то. Чуть ли не три часа ходила. А он прямо на улице стоит меня ждет. Он тогда такой страшный был... Вот, помните его снимок перед смертью? Вот такое у него лицо. Такой он был жалкий, такой несчастный. И одно меня просил: «Ты только не отдавай меня в больницу». Господи, сколько я его уговаривала, увещевала, развлекала... Хотела все бросить и уехать. Но как посмотрю на него, какой он – как же я его оставлю? Кому он нужен? Да, это ужасная полоса была».

В «Морфии» роль, которую в реальности исполняла Т. Н. Лаппа, во многом передана медсестре Анне – любовнице Полякова, делающей ему уколы морфия. В Никольском такие уколы Булгакову делала медсестра Степанида Андреевна Лебедева, а в Вязьме и в Киеве – сама Тася. В конце концов она настояла на отъезде из Вязьмы в попытке спасти мужа от наркотического недуга. По воспоминаниям Татьяны Николаевны, это произошло так: «... Приехала и говорю: «Знаешь что, надо уезжать отсюда в Киев». Ведь и в больнице уже заметили. А он: «А мне тут нравится». Я ему говорю: «Сообщат из аптеки, отнимут у тебя печать, что ты тогда будешь делать?» В общем, скандалили, скандалили, он поехал, похлопотал, и его освободили по болезни, сказали: «Хорошо, поезжайте в Киев». И в феврале (1918 года – Б. С.) мы уехали». В «Морфии» портрет Полякова – «худ, бледен восковой бледностью» – напоминает о том, как выглядел сам писатель, когда злоупотреблял наркотиком. Эпизод же с Анной повторяет скандал с женой, вызвавший отъезд в Киев: «Анна приехала. Она желта, больна. Доконал я ее. Доконал. Да, на моей совести большой грех. Дал ей клятву, что уезжаю в середине февраля».

После приезда в Киев Булгакову удалось счастливо избавиться от морфинизма. И.П. Воскресенский посоветовал Тасе постепенно уменьшать дозы наркотика в растворе, в конце концов полностью заменив его дистиллированной водой. В результате Булгаков отвык от морфия.

В «Морфии» Булгаков как бы воспроизвел тот вариант своей судьбы, который реализовался бы, останься он в Никольском или Вязьме (вероятно, мысли о самоубийстве приходили тогда Булгакову на ум, ведь он даже угрожал жене пистолетом, когда она отказалась давать ему морфий, а однажды чуть не убил, запустив в нее зажженной керосинкой). Скорее всего, в Киеве Михаил был спасен не только врачебным опытом И.П. Воскресенского, но и атмосферой родного города, после революции еще не успевшего потерять свое очарование, радостью от встречи с родными и друзьями. Характерно, что в повести самоубийство доктора Полякова происходит 14 февраля 1918 года, как раз накануне булгаковского отъезда из Вязьмы.

В письме Булгакова сестре Наде в апреле 1921 года содержалась просьба сохранить ряд оставшихся в Киеве рукописей, включая «в особенности важный для меня черновик «Недуг». Вероятно, это и был будущий «Морфий». Очевидно, Булгаков начал работать над ним в Киеве, как только излечился от морфинизма. Он хотел запечатлеть уходящую натуру.

В истории с морфием Тася проявила себя сильной, волевой женщиной. Булгаков же был более, чем его первая жена, склонен к рефлексии, к нерешительности. Хотя когда речь шла о принципиальных вопросах, в том числе политических, неизменно проявлял твердость. Быть может, одной из причин, что Михаил с Тасей расстались, было то, что начинающий писатель чувствовал себя некомфортно, ощущая на себе властный характер жены.

В Вязьме чету Булгаковых застала Октябрьская революция. Тася 30 октября 1917 года писала сестре мужа Наде: «Милая Надюша, напиши, пожалуйста, немедленно, что делается в Москве. Мы живем в полной неизвестности, вот уже четыре дня ниоткуда не получаем никаких известий. Очень беспокоимся и состояние ужасное». В декабре Булгаков отправился в Саратов, по возвращении он писал Наде 31 декабря 1917 года: «Придет ли старое время? Настоящее таково, что я стараюсь жить, не замечая его... не видеть, не слышать!

Недавно в поездке в Москву и в Саратов мне пришлось все видеть воочию, и больше я не хотел бы видеть. Я видел, как серые толпы с гиканьем и гнусной руганью бьют стекла в поездах, видел, как бьют людей. Видел разрушенные и обгоревшие дома в Москве... Тупые и зверские лица... Видел толпы, которые осаждали подъезды захваченных и запертых банков, голодные хвосты у лавок, затравленных и жалких офицеров, видел газетные листки, где пишут в сущности об одном: о крови, которая льется и на юге, и на западе, и на востоке, и о тюрьмах. Все воочию видел и понял окончательно, что произошло».

22 февраля 1918 года Тася навсегда покинула Смоленщину и вернулась вместе с Михаилом в Киев. В этот день Вяземская уездная земская управа выдала Булгакову удостоверение о том, что с 20 сентября 1917 года он, врач резерва, заведовал в Вяземской городской земской больнице инфекционным и венерическим отделениями и «исполнял свои обязанности безупречно». В годы Гражданской войны в этом городе власти менялись, наверное, чаще, чем в любом другом городе Российской империи. В 1923 году в фельетоне «Киев-город» Булгаков писал, что всего в Киеве в революцию и Гражданскую войну переворотов «было 14, причем 10 из них я лично пережил», 14 переворотов в Киеве – это:

- 1) Февральская революция 1917 года;
- 2) взятие власти в городе Украинской Центральной Радой (Центральным Советом) в конце октября – начале ноября 1917 года;
- 3) захват Киева частями Красной гвардии, вытеснившими из города войска Центральной Рады 26 января 1918 года;
- 4) возвращение в город Центральной Рады при поддержке австро-германских войск 1 марта 1918 года;
- 5) свержение правительства Центральной Рады германскими войсками и провозглашение на созванном в киевском цирке 29 апреля 1918 года Съезде хлеборобов гетманом Украины генерал-лейтенанта императорской армии П.П. Скоропадского, бывшего командующего войсками Центральной Рады;
- 6) свержение П.П. Скоропадского и взятие Киева 14 декабря 1918 года войсками Украинской Народной Республики под командованием головного атамана и руководителя Украинской Директории (правительственного органа) С.В. Петлюры;
- 7) занятие Киева войсками Красной Армии 5 февраля 1919 года (украинские войска оставили город накануне, 3 февраля);
- 8) вступление в Киев утром 31 августа 1919 года украинских войск (красные оставили город 30 августа);
- 9) вступление в город войск белой Добровольческой армии Вооруженных сил Юга России генерала А.И. Деникина (войсками, занявшими Киев, командовал генерал Н.Э. Бредов) и отступление из Киева украинских войск во второй половине дня 31 августа 1919 года;
- 10) взятие города Красной Армией 14 октября 1919 года;
- 11) отступление из Киева красных 16 октября 1919 года и возвращение в город добровольческих войск;
- 12) занятие Киева красными 14 декабря 1919 года;
- 13) вступление в город украинских и польских войск 7 мая 1920 года;
- 14) занятие Киева Красной Армией 12 июня 1920 года.

Если первым явлением «киевской драмы» считать «беспечальное» дореволюционное состояние города, то захват города поляками и петлюровцами 7 мая 1920 года действительно будет, как это и указано в фельетоне, последним 14-м явлением перед установлением современного состояния (*Status praesens*) Киева, оказавшегося в конце концов под властью большевиков. Булгаков не был в городе во время четырех переворотов – осенью 1917 года, когда работал земским врачом в городской больнице Вязьмы; 14 декабря 1919 года, когда вместе с белой армией находился на Северном Кавказе; там же он оставался и в 1920 году, уже

при Советской власти, во время двух последних киевских переворотов, 7 мая и 12 июня. Польские и украинские войска оставили Киев из-за прорыва фронта 1-й Конной армией под командованием С.М. Буденного, поэтому Булгаков говорит, что «советская конница грубо и буденно заехала куда-то, куда не нужно, и паны в течение нескольких часов оставили заколдованный город». Михаил Афанасьевич приехал в Киев вскоре после того, как 2 марта 1917 года в Киев поступила телеграмма депутата Государственной Думы от фракции прогрессистов А.А. Бубликова об отречении от престола Николая II. Эта телеграмма осознавалась Булгаковым как знак окончания прежних беспечальных времен. Писатель наблюдал начавшиеся революционные события в городе, когда 7 марта забрал в канцелярии университета свой диплом с отличием и прочие документы. В феврале 1918 года он вернулся в Киев в первые дни восстановления Советской власти и одновременно незадолго до оставления города красными, как раз в короткий промежуток между двумя переворотами. Отмечу, что поскольку в 1918 году в Советской России произошла смена юлианского и григорианского календаря (старого и нового стиля), то после 31 января сразу наступило 14 февраля.

Татьяна Николаевна так вспоминала о перипетиях Гражданской войны: «В начале 18-го он освободился от земской службы, мы поехали в Киев – через Москву. Оставили вещи, пообедали в «Праге» и сразу поехали на вокзал, потому что последний поезд из Москвы уходил в Киев, потом уже нельзя было бы выехать. Мы ехали потому, что не было выхода – в Москве остаться было негде... В Киев при нас вошли немцы».

Булгаков в «Белой гвардии» приход немцев изобразил следующим образом: «Когда же к концу знаменитого года в городе произошло уже много чудесных и странных событий и родились в нем какие-то люди, не имеющие сапог, но имеющие широкие шаровары, выглядывающие из-под солдатских серых шинелей, и люди эти заявили, что они не пойдут ни в коем случае из Города на фронт, потому что на фронте им делать нечего, что они останутся здесь, в Городе, ибо это их Город, украинский город, а вовсе не русский». В «Киев-городе» он с иронией отмечал: «Рекорд побил знаменитый бухгалтер, впоследствии служащий союза городов Семен Васильевич Петлюра. Четыре раза он являлся в Киев, и четыре раза его выгоняли». К делу украинской независимости Михаил Афанасьевич ни малейшей симпатии не питал. Да и украинский язык не жаловал. Во всяком случае, не одобрял идею украинских властей, что живущие в Киеве русские должны учить украинский язык. И иной раз открыто демонстрировал монархические симпатии в дни, когда в Киеве были петлюровцы. И.В. Кончаковская, дочь домовладельца В.П. Листовниченко, хозяина дома на Андреевском спуске, прототипа бессмертного Василисы из «Белой гвардии», вспоминала: «Как-то у Булгаковых наверху были гости; сидим, вдруг слышим – поют: «Боже, царя храни...» А ведь царский гимн был запрещен. Папа поднялся к ним и сказал: «Миша, ты уже взрослый, но зачем же ребят под стенку ставить?» И не случайно в рассказе «В ночь на 3-е число», фрагменте ранней редакции «Белой гвардии», изгнание петлюровцев из Киева красными трактуется как избавление города от нечисти и возвращение города если не к былинным дореволюционным временам, то хотя бы к относительно нормальному существованию. Бежали серым стадом сечевики. И некому их было удерживать. Бежала и синяя дивизия нестройными толпами, и хвостатые шапки гайдамаков плясали над черной лентой... Осталась позади навеки Слободка с желтыми огнями и ослепительной цепью белых огней освещенный мост. И город прекрасный, город счастливый выплывал навстречу на горах».

В январе 1919 года украинские власти объявили мобилизацию врачей. Татьяна Николаевна свидетельствовала: «...Его мобилизовали сначала синежупанники... Он пошел отметить, его тут же и взяли. Прихожу – он сидит на лошади. «Мы уходим за мост – приходи туда завтра!» Пришла, принесла ему что-то. Потом дома слышу – синежупанники отходят. В час ночи – звонок. Мы с Варей побежали, открываем: стоит весь бледный... Он прибежал

весь невменяемый, весь дрожал. Рассказывал: его уводили со всеми из города, прошли мост, там дальше столбы или колонны. Он отстал, кинулся за столб – и его не заметили».

По ее словам, Булгаков «после этого заболел, не мог вставать. Приходил часто доктор, Иван Павлович Воскресенский. Наверное, это было что-то нервное. Но его не ранили, это точно».

В Киеве у Таши не самым лучшим образом складывались отношения с сестрой Михаилой Варей и ее мужем – офицером-юристом из остзейских немцев Л.С. Карумом. Татьяна Николаевна вспоминала: «Карум Леонид Сергеевич – это вот Тальберг... Он вообще неприятный был. Его все недолюбливали... Я как-то заняла у Вари денег. Потом мы сидели с Михаилом, пьем кофе, икры, что ли, купили... А он сказал кому-то, что вот, деликатесы едят, а денег не платят. Вообще, он нехорошо поступил. Он ведь был у белых. И в Феодосии был у белых. Потом пришли красные, он стал у красных. Преподавал где-то... военную тактику, что ли. Ну, красные все равно узнали. Тогда он смылся и приехал в Москву к Наде. Тут его арестовали и Надиного мужа вместе с ним... Но Варя его любила. Она потом Михаилу такое ужасное письмо прислала: «Какое право ты имел так отзываться о моем муже... Ты вперед на себя посмотри. Ты мне не брат после этого...»

Также очень колоритной фигурой был Н.В. Судзиловский, племянник Л.С. Карума, прототип Лариосика Суржанского в «Белой гвардии» и «Днях Турбиных». Николай Васильевич Судзиловский, по воспоминаниям его дяди Карума, «был очень шумливый и восторженный человек». Чтобы получить отсрочку от военной службы, Судзиловский женился, а в 1918 году вместе с женой переехал в Житомир, где находились тогда его родители. Летом 1918 года прототип Лариосика безуспешно пытался поступить в Киевский университет. В квартире Булгаковых на Андреевском спуске Судзиловский появился 14 декабря 1918 года – в день падения Скоропадского. К тому времени жена его уже бросила. В 1919 году Николай Васильевич вступил в ряды Добровольческой армии, и его дальнейшая судьба неизвестна. Татьяна Николаевна так рассказывала о прототипе Лариосика: «Да, был такой... Родственник какой-то из Житомира. Я вот не помню, когда он появился... Неприятный тип. Странноватый какой-то, даже что-то ненормальное в нем было. Неуклюжий. Что-то у него падало, что-то билось. Так, мямля какая-то... Рост средний, выше среднего... Вообще, он отличался от всех чем-то. Такой плотноватый был, среднего возраста... Он был некрасивый. Варя ему понравилась сразу. Леонида-то не было...»

События, связанные со своим вступлением в офицерско-юнкерский отряд 14 декабря 1918 года и мобилизацией в петлюровскую армию в ночь со 2 на 3 февраля 1919 года, Булгаков описал в романе «Белая гвардия» и в рассказах «В ночь на 3-е число» и «Необыкновенные приключения доктора». Позднее, во второй половине 20-х годов, Булгаков сообщил своему другу П.С. Попову: «Жил в Киеве с февраля 1918 года по август 1919 года». Учитывая эту датировку и счет киевских переворотов, можно предположить, что в конце августа 1919 года Булгаков как врач был мобилизован красными и ушел из Киева. Факт мобилизации автобиографического главного героя в Красную Армию зафиксирован в рассказе «Необыкновенные приключения доктора», где автобиографический доктор N записывает в дневнике:

«15 февраля. Сегодня пришел конный полк, занял весь квартал. Вечером ко мне на прием явился один из 2-го эскадрона (эмфизема). Играл в приемной, ожидая очереди, на большой итальянской гармонии. Великолепно играет этот эмфизематик («На сопках Маньчжурии»), но пациенты были страшно смущены, и выслушивать совершенно невозможно. Я принял его вне очереди. Моя квартира ему очень понравилась. Хочет переселиться ко мне со взводным. Спрашивает, есть ли у меня граммофон...»

Эмфизематику лекарство в аптеке сделали в двадцать минут и даром. Это замечательно, честное слово!

17 февраля. Спал сегодня ночью – граммофон внизу сломался.

Достал бумажку с 18 печатями о том, что меня нельзя уплотнить, и наклеил на парадной двери, на двери кабинета и в столовой.

21 февраля. Меня уплотнили...

22 февраля.

...И мобилизовали.

...марта

Конный полк ушел воевать с каким-то атаманом...

Из пушек стреляли все утро...»

Хронология здесь наверняка искажена, поскольку Булгакова не могли мобилизовать в Красную Армию раньше августа 1919 года, но то, что эти записи героя рассказа отражают реальные события, происходившие с самим Булгаковым, – вполне вероятно.

Не исключено, что Булгаков был даже рад представившейся возможности отступить из города вместе с красными. Он опасался репрессий со стороны петлюровцев за дезертирство из украинской армии в начале февраля 1919 года. Именно украинские войска выбили большевиков из Киева и первыми вступили в город утром 31 августа 1919 года. То, что их заставят уйти из города в тот же день белые добровольческие части генерала Бредова, Булгаков, как и другие киевляне, заранее предположить не мог. 14 октября 1919 года он вместе с советскими войсками вернулся в Киев и либо попал в плен в ходе неудачных для красных боев (на это есть намек в «Необыкновенных приключениях доктора», где герой невнятно записывает, после пропуска целой главы (в которой, возможно, речь должна была бы идти о кратковременном пребывании у красных), такие малопонятные, на первый взгляд, фразы: «6. Артиллерийская подготовка и сапоги. 7. Кончено. Меня увозят». Также не исключено, что Булгаков добровольно перешел на сторону белых. После этого он отбыл в качестве начальника медицинской службы (околотка) 3-го Терского казачьего полка на Северный Кавказ и больше на постоянное жительство в Киев не возвращался, возможно, опасаясь репрессий за то, что после службы в Красной Армии оказался в рядах деникинских войск.

Если Булгаков и служил у красных, то явно делал это без всякого энтузиазма, а только в силу сложившихся обстоятельств. Здесь можно вспомнить роман владикавказского приятеля Булгакова Юрия Слезкина «Девушка с гор (Столовая гора)», изданный в 1925 году. Главный герой слезкинского романа, военный врач Алексей Васильевич, явно списан с Булгакова (хотя жены у него нет, как нет Таши и среди прототипов женских образов «Девушки с гор»). Эту книгу Слезкин подарил Булгакову с характерной надписью: «Дарю любимому моему герою Михаилу Афанасьевичу Булгакову». Алексей Васильевич сам пишет роман, который «он назвал бы «Дезертир», если бы только не эта глупая читательская манера всегда видеть в герое романа автора». Такое название становится понятным из следующей авторской характеристики Алексея Васильевича: «Но с того часа, как его выгнали из его собственной квартиры, дали в руки какой-то номерок и приказали явиться на место назначения, а потом перекидывали с одного фронта на другой, причем всех, кто его реквизирует, он должен был называть «своими», – с того часа он перестал существовать, он умер». Из этого следует, что герой, видимо, как и его прототип, покинул ряды по крайней мере нескольких чуждых ему армий. Булгаков, как мы помним, дезертировал из армии Петлюры, но вполне вероятно, что он также дезертировал и из Красной Армии. Белую же армию и Булгаков и Алексей Васильевич покинули вынужденно и одинаково – заболев сыпным тифом и оставшись во Владикавказе, который после отхода белых был занят красными в марте 1920 года.

Татьяна Николаевна свидетельствовала, что русские интеллигенты в Киеве «боялись Петлюру», хотя одновременно «страшно боялись большевиков, тем паче». Однако у Булгакова в конкретных обстоятельствах августа 1919 года вряд ли был какой-то реальный выбор, если его мобилизовали красные. Перед отступлением красный террор в Киеве усилился. Только 16 августа в местных «Известиях» был опубликован список 127 расстрелян-

ных. Отказ служить в Красной Армии мог кончиться для Булгакова весьма печально, хотя Советская власть в тот период своего пребывания в Киеве как будто не успела нанести ему существенного вреда. Бежать же от большевиков, чтобы остаться в Киеве, для будущего писателя в тот момент особого смысла не имело. Ведь в город вот-вот войдут петлюровцы, а они точно так же могли расстрелять его за дезертирство, останься он дома. Вероятно, Булгаков полагал в тот момент, что если не уйти с красными, то в родном городе все равно придется скрываться. Татьяна Николаевна прямо утверждала: «...Пришли красные, но они его (Булгакова. – Б. С.) не трогали. Он продолжал заниматься частной практикой (благо от клиентов – больных венерическими заболеваниями – отбоя не было). Это вот летом было, а в августе прошел слух, что возвращается Петлюра. Конечно, Михаилу бы не поздоровилось, и вот мы пошли прятаться в лес. Вера с Варей, братья и еще немец один военный, который за Варькой ухаживал. Михаил опять браслетку у меня брал (Тасину браслетку, как мы помним, Булгаков считал талисманом удачи. – Б. С.). И вот мы там несколько дней прятались в сарае или домике каком-то. Немного вещей у нас было и продукты. Готовили – там во дворе печка была. Там так страшно было, если бы вы знали! Но Петлюра так и не появился, боя не было, и пришли белые. Тогда мы вернулись».

Отметим сразу, что в рассказе Т.Н. Лаппа есть бросающиеся в глаза противоречия. Во-первых, она признала, что муж взял у нее браслетку, – а он делал это, когда покидал ее на время. Но тут же Татьяна Николаевна пишет, что они прятались с Михаилом вместе, хотя убежище их описывает крайне неопределенно – то ли сарай, то ли домик, да еще с печкой на улице (это в лесу-то!). Она заявляет, что вернулись они в Киев уже после прихода белых, но о встрече генерала Бредова, прибывшего в город в первый день вступления туда добровольческих частей, повествует явно как непосредственная очевидица событий: «Генерала Бредова встречали хлебом-солью, он на белом коне... торжественно все так было». Не могли же Булгаковы вернуться в Киев утром 31 августа, когда в город как раз входили петлюровцы. Все эти противоречия снимаются, если верна наша версия о том, что в конце августа 1919 года Булгаков оставил Киев, опасаясь петлюровцев, так что писатель позднее сказал другу и органам сущую правду. Однако Михаил Афанасьевич не в лес ушел прятаться, а отступил, мобилизованный в Красную Армию, в то время как Татьяна Николаевна осталась в Киеве и наблюдала вступление туда корпуса Добровольческой армии во главе с генералом Н.Э. Бредовым. Рассказ же Т.Н. Лаппа, на наш взгляд, призван был лишь скрыть службу Булгакова в Красной Армии. Да и странно прятаться в лесу, когда вокруг Киева много банд.

О жизни Булгакова и Таси в Киеве при гетмане, петлюровцах и красных сохранилось и свидетельство Л.С. Карума в его мемуарах «Рассказ без вранья»: «Практика врачебная у Булгакова наладилась хорошо. На передней двери на улицу он соорудил таблицу со своей фамилией, написанную им самим масляными красками, с часами своего приема... Булгаков умело обставил это дело, принимая больных вместе с «ассистентом». Для ассистентской работы была приспособлена Тася. Ей был дан больничный халат. После приема Тася выполняла всю грязную работу: мыла посуду, инструменты, выносила ведра и ватные тампоны, одним словом, чистила все, что оставалось в кабинете врача по венерическим болезням.

Иногда вся коммуна делала в складчину вечеринку. Приглашались знакомые, больше молодежь. Но были и пожилые. Михаил был в центре внимания и веселья. Он ставил живые картинки и шарады. Помню одну из таких шарад. Первый слог был «бал». Танцевали. Второй слог «ба». Михаил прочел кусочек из комедии Грибоедова «Горе от ума», где был стих: «Ба, знакомые все лица». Наконец, третий слог «чан». Михаил притащил из кухни чан и стал делать вид, что в нем что-то варит.

Наконец, все вместе – Балбачан. Эта фамилия всем киевлянам была хорошо известна. В это время происходила острая борьба Петлюры с гетманом. Балбачан была фамилия одного из петлюровских атаманов. Это было время, описанное позже Булгаковым в его романе

«Белая гвардия» и в пьесе «Дни Турбиных» (в романе Балбачан выведен под именем полковника Болботуна. – Б. С.).

Так коммуна и жила. Каждый в ней работал или учился в своей области. И все было бы относительно спокойно, если бы ночью не случилось странное волнение и шум. Вставала Тася, одевалась, бежала в аптеку. Просыпались сестры, бежали в комнату к Михаилу. Почему? Оказалось, что Михаил был морфинистом, и иногда ночью после укола, который он делал себе сам, ему становилось плохо, он умирал. К утру он выздоравливал, но чувствовал себя до вечера плохо. Но после обеда у него был прием, и жизнь восстанавливалась. Иногда же ночью его давили кошмары. Он вскакивал с постели и гнал за призраками. Может быть, отсюда и стал в своих произведениях смешивать реальную жизнь с фантастикой.

А потом наступили грозные события: пал гетман, власть сначала захватили, а потом выпустили петлюровцы, пришла советская власть.

Работа венерического врача шла успешно. Только в последний месяц, когда в июле 1919 года большевики объявили поголовную мобилизацию, Булгаков проживал где-то в «нетях» на даче под Киевом. Этим он избежал мобилизации. С появлением добровольцев он опять пришел в квартире, но объявил, что оставаться в Киеве больше не намерен, а поедет на Кавказ, где поступит на военную службу. И булгаковская коммуна распалась. Миша хотел ехать со мной (Карум приехал в Киев, чтобы забрать из Киева жену и вместе с ней вернуться в Феодосию, где он преподавал в военном училище. – Б. С.).

Я пробыл в Киеве пять дней. На шестой я отыскал вагон, куда мы погрузились с Варенькой, Мишей и Тасей. Вагон прицепили к поезду, который шел в Таганрог, и 30 августа 1919 года мы двинулись в путь».

Скорее всего, Карум датирует здесь по старому стилю, по новому же это было 12 сентября. А 30 августа по новому стилю в Киеве еще были красные. Также нельзя исключить, что он вообще путает хронологию, сознательно или нет, а в действительности он мог приехать в город позже, уже после вторичного захвата города добровольцами в октябре. Если второе предположение верно, то исчезает нелепость, содержащаяся в утверждении, что Булгаков собирался поступить в Белую армию, но хотел это сделать именно на Кавказе. Почему на Кавказе? Ведь он мог свободно поступить в любую часть или учреждение, располагавшуюся в Киеве. Булгаков на советской службе в Киеве никогда прежде не состоял, и препятствий к поступлению в Добровольческую армию у него как будто не было. Другое дело, если Карум прибыл в Киев только в октябре, вскоре после вторичного занятия его добровольцами, а Булгаков появился в городе незадолго до него, перейдя от красных к белым во время октябрьских боев и уже поступив в какую-то белую часть или отряд. Тогда обращение Булгакова к своему зятю представляется вполне логичным. Как раз в октябре Деникин вынужден был перебрасывать многие части с Украины и из Центральной России на Северный Кавказ для борьбы с активизировавшимся там партизанским движением. Туда могли отправить и булгаковскую часть. В этих условиях Михаил вполне мог обратиться к помощи Леонида, чтобы максимально комфортно отправиться вместе с женой к новому месту службы – ведь до Таганрога Булгаковым и Карумам можно было ехать вместе.

Между прочим, Татьяна Николаевна иначе, чем Карум, излагала обстоятельства отъезда Булгакова на Кавказ: «Его мобилизовали. Дали френч, сапоги, шинель и отправили во Владикавказ. Я его провожала». Карум же утверждает, что служить белым Булгаков пошел добровольно и Тася уехала вместе с ним.

Отмечу также, что о жизни Таси и Михаила в Киеве в 1918–1919 годах Карум рассказывал главным образом со слов своей жены Вари, поскольку уже в конце декабря 1918 года вместе с младшим братом Михаила Булгакова Иваном отправился из Киева в Одессу, а потом в Новороссийск и вернулся в Киев только тогда, когда город заняли белые. Поэтому о том, что Михаил с Тасей прятались от красных на даче под Киевом, он мог узнать только от

Вари. Но не исключено, что Леонид Сергеевич знал о службе Булгакова в Красной Армии, но не стал сообщать этот факт, дабы не компрометировать брата жены (факт службы в Красной Армии в сопоставлении с последующей службой у белых означал дезертирство). Он не хотел уподобляться автору «Белой гвардии», который создал очень узнаваемый портрет Тальберга-Карума, служившего сначала гетману, а потом белым.

Вероятно, такой же наркотический приступ, о котором говорит Карум, был запечатлен Булгаковым в «Белой гвардии» под видом ночного кошмара Алексея Турбина, раненого петлюровцами: «Турбин стал умирать днем двадцать второго декабря. День этот был мутноват, бел и насквозь пронизан отблеском грядущего через два дня Рождества... Он лежал, источая еще жар, но жар уже зыбкий и непрочный, который вот-вот упадет. И лицо его уже начало пропускать какие-то восковые оттенки, и нос его изменился, утончился, и какая-то черта безнадежности вырисовывалась именно у горбинки носа, особенно ясно проступавшей»; «Только под утро он разделся и уснул, и вот во сне явился к нему маленького роста кошмар в брюках в крупную клетку и глумливо сказал: – Голым профилем на ежа не сядешь!.. Святая Русь – страна деревянная, нищая и опасная, а русскому человеку честь – только лишнее бремя. – Ах ты! – вскричал во сне Турбин. – Г-гадина, да я тебя. – Турбин во сне полез в ящик стола доставать браунинг, сонный, достал, хотел выстрелить в кошмар, погнался за ним, и кошмар пропал».

Тасе практика, полученная у мужа, пригодилась после развода с ним, когда она стала работать медсестрой.

Сам Булгаков гораздо позднее, в октябре 1936 года, заполняя анкету при поступлении в Большой театр, написал: «В 1919 году, проживая в г. Киеве, последовательно призывался на службу в качестве врача всеми властями, занимавшими город». Фактически это замаскированное признание того, что писатель был мобилизован не только армией Украинской Народной Республики, но также и красными, и белыми – именно эти власти сменяли друг друга в Киеве в 1919 году до отбытия Булгакова во Владикавказ (хотя вопрос анкеты формально касался только «контрреволюционных» правительств, но Булгаков-то писал о «всех властях»).

В «Необыкновенных приключениях доктора» после пропуска части текста в дневнике герой возобновляет записи уже на Северном Кавказе, где доктор в рядах деникинских войск в качестве начальника медицинской службы 3-го Терского конного полка принимает участие во взятии Чечен-аула, причем это событие в рассказе отнесено к сентябрю. Писатель Д.А. Гиреев в свое время установил детальное совпадение сделанного Булгаковым описания боя за Чечен-аул и перечня участвовавших в нем частей белой армии с результатами позднейших исторических исследований. Действительно, тогда деникинской армии пришлось бороться с восставшими горскими народами, опасавшимися восстановления империи и ликвидации их фактически обретенной независимости в случае победы белых. Они объединились в имамат во главе со столетним Хаджи-Узуном, причем в союзе с ними действовали и отряды коммунистической ориентации. Но хронология событий в булгаковском рассказе искажена, причем вполне сознательно. В действительности 3-й Терский полк во взаимодействии с другими частями взял Чечен-аул не в сентябре, а в ходе боев 28–29 октября 1919 года. И Булгаков прекрасно помнил, когда именно это происходило. В дневнике в ночь с 23 на 24 декабря 1924 года он записал: «...вспоминал... картину моей контузии под дубом и полковника, раненого в живот».

Бессмертье – тихий светлый брег...
Наш путь – к нему стремленье.
Покойся, кто свой кончил бег,
Вы, странники терпенья...

Чтобы не забыть и чтобы потомство не забыло, записываю, когда и как он умер. Он умер в ноябре 19-го года во время похода за Шали-аул и последнюю фразу сказал мне так:

– Напрасно вы утешаете меня, я не мальчик.

Меня же контузили через полчаса после него.

Так вот, я видел тройную картину. Сперва – этот ночной ноябрьский бой, сквозь него – вагон, когда уже об этом бое рассказывал (в январе 1920 года. – Б. С.), и этот бессмертно-проклятый зал в «Гудке». «Блажен, кого постигнул бой». Меня он постигнул мало, и я должен получить свою порцию».

Эта запись доказывает многое. Во-первых, что и спустя пять лет хронологию своего участия в Гражданской войне Булгаков помнил абсолютно точно. Шали-аул был взят позже Чечен-аула, 1 ноября, и поход далее, за этот аул, несомненно происходил в ноябре. Во-вторых, здесь процитированы стихи Жуковского, ставшие эпиграфом пьесы «Бег» (возможно, у писателя уже зародилась идея этой пьесы). А эпизод с гибелью полковника в Чечне вошел в роман «Белая гвардия», где с умирающим полковником Най-Турсом беседует Николай Турбин (безымянный полковник явно был одним из прототипов храброго и благородного Най-Турса). Наконец, тройная картина, возникающая в видении-воспоминании Булгакова, соответствует принципу троичного видения, изложенному в 1922 году П.А. Флоренским в его книге «Мнимости в геометрии» (эта книга сохранилась в булгаковском архиве).

Раз искажена чеченская хронология (но только хронология) рассказа «Необыкновенные приключения доктора», можно предположить, что и в части, относящейся к мобилизации героя красными, и в последующих загадочных событиях искажены не факты, а лишь хронология, чтобы запутать возможных недоброжелателей. Тех, для кого равно предсудительными могли показаться как булгаковская служба у белых, так и некоторые обстоятельства, связанные с его кратковременной службой у красных. Попробуем разобраться, к какому реальному времени можно отнести события рассказа, связанные с пребыванием героя в Красной Армии. «Из пушек стреляли все утро» в Киеве 30 августа 1919 года, когда петлюровские части вступили в киевские предместья и стали обстреливать город из тяжелых орудий. То, что «конный полк ушел воевать с каким-то атаманом», тоже может быть отнесено именно к этому дню: ведь не только предводители банд или отрядов различной политической ориентации вроде Зеленого или Ангела именовались атаманами, но и сам С.В. Петлюра официально занимал, как мы помним, должность «головного атамана», то есть главнокомандующего украинской армией и главы Украинского государства.

Присутствующий далее в тексте «Необыкновенных приключений доктора» пропуск, вероятно, охватывает период сентября и первой половины октября, когда сам Булгаков, очевидно, находился среди отступивших из Киева красных, может быть, как раз врачом при какой-то конной части, о которой говорится в рассказе. Упоминаемая в «Необыкновенных приключениях доктора» артиллерийская подготовка – это, скорее всего, артиллерийская подготовка красных в ходе штурма Киева 14 октября, во время которой пострадал штаб генерала А.М. Драгомирова. Следующие слова: «Кончено. Меня увозят... Из пушек... и...», принимая во внимание дальнейшие события, как будто означают, что герой был насильно увезен белыми частями. Это совсем не говорит в пользу того, что Булгаков на самом деле был захвачен белыми в плен, хотя это и возможный вариант: как мы помним, обозы красных, при которых должна была находиться медицинская служба, были введены в Киев, так что при поражении советских войск у Булгакова были все шансы попасть в плен. Однако версия о насильственном увозе автобиографического героя могла быть создана писателем в расчете на не по должности внимательных читателей, чтобы в случае чего подчеркнуть недобровольный характер его последующей службы у белых. В действительности Булгаков вполне

мог сам перейти в деникинскую армию при штурме Киева красными, когда твердо удостоверился уже, что родной город занят частями добровольцев, а не украинскими войсками Петлюры. Ведь основные идеи белого движения будущий писатель разделял.

Думаю, что у красных Булгаков служил один, без Таси. Она же действительно могла прятаться в лесу на даче, а потом, в своих интервью, когда Булгаков стал знаменит, не хотела подводить человека, которого любила.

Очевидно, что Булгакову приходилось в дальнейшем скрывать не столько факт своей службы у белых (на это он вполне ясно намекал в «Необыкновенных приключениях доктора», да и службы у Скоропадского, упомянутой в «Белой гвардии» и других произведениях, в общем-то не скрывал), сколько свою предыдущую кратковременную службу в Красной Армии и последовавший за ним добровольный или насильственный переход к белым. Если бы факт такого перехода с определенностью обнаружился и был бы истолкован как добровольный, Булгакова могли признать активным идейным белогвардейцем с неизбежными в таком случае репрессиями. Таким же репрессиям он наверняка подвергся бы, обнаружив новая власть его публикации в деникинских газетах 1919–1920 годов... К счастью для Булгакова, подшивок кавказских газет того времени почти не сохранилось, и крамольные статьи нашли не современники – чекисты или литераторы, а исследователи, много десятилетий спустя после смерти писателя, когда сама Советская власть переживала агонию в конце 80-х (фельетон «Грядущие перспективы») или уже после ее краха (фельетон «В кафе»).

Осенью 1919 года Тася уехала к мужу во Владикавказ, где он служил военным врачом в Вооруженных силах Юга России. По ее словам, Булгаков сперва отправился туда один, и лишь потом вызвал ее: «Приехал он во Владикавказ и через неделю-две меня вызвал... Мы ехали через Екатеринослав. Общий вагон, и жрать было нечего. Территорию после Екатеринослава занимал Махно, и вот мы все гадали: проскочим или не проскочим? Ничего, проскочили. Приезжаю во Владикавказ, Михаил меня встретил. Маленький такой городишко, но красиво. Горы так видны... Полно кафе кругом, столики прямо на улице стоят... Народу много – военные ходят, дамы такие расфуфыренные, извозчики на шинах. Ни духов, ни одеколона, ни пудры – все раскупили. Музыка играет... Весело было. Я еще обратила внимание, Михаилу говорю: «Что это всюду бисквит продают?» А он: «Ты что! Это кукурузный хлеб». А я за бисквит приняла: тоже желтый такой. Он начал работать в госпитале. Я пришла туда поесть – голодная как черт приехала, съела две или три котлеты. Так он: «Ты меня конфузишь!» Еще он сказал, что начал печататься там, писать».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.